

*Самое большое чудо –
когда чужие люди
становятся родными.*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

*Чужая
женщина*

Татьяна Михайловна Тронина

Чужая женщина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819995

Чужая женщина: Эксмо; М.; 2012

ISBN 978-5-699-53846-1

Аннотация

Лара была счастлива в браке. Абсолютно и безоблачно счастлива, несмотря на мелкие неприятности, доставляемые свекровью. Лара верила, что рядом с ней – самый близкий, самый родной человек. Тем большее оказалось внезапное предательство. Тем страшнее то, что знакомый до самых кончиков ногтей муж – чужой, незнакомый ей человек, а она для него – чужая женщина. . .

Татьяна Трoнина

Чужая женщина

Лара подошла к окну.

Скоро середина марта – а во дворе, на газоне, все еще высились сугробы из плотного, ничуть не подтаявшего белого снега. Сейчас они казались фиолетовыми в лучах вечернего солнца...

Лара приподнялась на цыпочки, с надеждой оглядела заасфальтированную площадку перед газоном, где жильцы дома парковали свои машины. Синий «Шевроле», красная «Мазда», «Жигули» цвета морской волны... Но машины мужа, черной «Тойоты», пока не наблюдалось.

Лара замерла, прижавшись лбом к ледяному стеклу, – а вдруг именно сейчас, в это самое мгновение «Тойота» заедет во двор, освещая перед собой фарами черный асфальт?.. Из машины выскочит Саша и торопливо побежит к подъезду, на ходу запахивая полы расстегнутого пальто.

И кто придумал работать в выходные! Подумаешь, какие-то цифры в отчете не сошлись...

...Эта зима была неожиданно, не по-московски долгой, непривычно холодной. Как в старые добрые времена! Все ждали потепления – сначала хотя бы на Новый год, потом на мужской праздник 23 февраля, – но потепления так и не случилось. Поэтому жители столицы лишний раз на улицу

старались не выходить. Из дома на работу, с работы – скорей домой, выходные – перед телевизором, на диване, в крайнем случае ехали за продуктами, толкались с тележками в проходах огромного гипермаркета, изнемогая от тяжести шуб и кофт, с трудом передвигая ноги в зимних, основательных, подбитых плотной цигейкой сапогах.

Каждый день этой зимы Лара ждала – а вдруг завтра отступит этот ледяной ветер из Арктики, и станет легче дышать, и можно будет накинуть на плечи легчайшую курточку на синтепоне, и в осенних сапожках (а прошлую-то зиму все в осенних бегала – ниже нуля температура ни разу не опускалась!) пройти по центру с Сашей, посидеть с ним в кафе, потом поехать в кино... Или одной, уже без мужа – сбегать к Светке, подруге, и распить на двоих бутылочку красного сухого... Но морозы так и не отступили.

Все дела откладывались на потом, на «когда потеплеет». Все как во сне. Так никуда Лара с мужем и не выбралась. Только к Светке несколько раз заглянула...

Оттого, наверное, эти три зимних месяца в постоянном ожидании погодных перемен и проскочили для Лары удивительно быстро. Она не заметила, как наступил март.

...Сумерки пронзили два луча света. «Саша?» – обрадовалась Лара, и зря – чей-то громоздкий внедорожник заполз в угол стоянки и замер, уткнувшись капотом в сугроб. Полная женщина в белых мехах важно поплыла к первому подъезду...

– Алехандро, Алехандро, где ты, Алехандро мой... Сколько можно задерживаться! – нетерпеливо произнесла вслух Лара.

Вот Ларе редко когда приходилось оставаться на работе в выходные. Потому что у них, на ликеро-водочном заводе, весь производственный процесс был налажен, авралов практически не случалось, оборудование новое, из Германии...

То, что Лара работала на ликеро-водочном, – всегда шокировало и удивляло людей новых, незнакомых. Обычно это известие вызывало улыбку, иногда даже не верили... «Как, вы правда – на ликеро-водочном?» – «Правда-правда. Честное слово!» – «И кем вы там?» – «Технологом. Я институт пищевой промышленности окончила, между прочим...» – «О-о-о!»

Свекровь, Елена Игоревна, так и не привыкла к профессии невестки. Последние лет семь, что Лара работала по специальности, после института, Елена Игоревна тонко намекала – не женское это дело... На что Лара всегда возражала, что неженское дело – это шпалы класть, а сидеть в лаборатории с пробирками в белом халате и отчеты писать – очень даже женское... «Но вы же там все пьете!» – «Кто сказал?! Я там работаю, а не пью!» – «Но дегустируете же иногда с сотрудниками свою продукцию?.. В рот – наливаете? Значит, пьете!»

Звонок в дверь. «Саша! Как же я его проглядела-то...» – Лара помчалась к входной двери. Заглянула в «глазок» – на

лестничной площадке стояла свекровь. Легка на помине...

– Здравствуйте, Елена Игоревна! – Лара распахнула дверь.

– Извини, что я без предупреждения... Саша дома?

– Саша еще на работе. Позвонить ему? – живо спросила Лара, которой самой не терпелось позвонить мужу.

– Нет-нет, не отвлекай его! – испугалась свекровь. – Я потом зайду...

Елена Игоревна резко попятилась назад. Несмотря на возраст – 67 лет, – она отличалась стремительностью и подвижностью. Бывшая спортсменка, комсомолка... Ее даже пожилой нельзя было назвать – всегда подтянутая, стройная, румяная, с аккуратно собранными седыми волосами. Пожалуй, только волосы выдавали истинный возраст Елены Игоревны. Елена Игоревна до сих пор работала – смотрительницей в музее. А раньше, когда еще жила в Суздале, она водила экскурсии. Потом Саша купил ей квартиру и перевез мать в Москву.

– Куда же вы! – Лара все-таки успела ухватить свекровь за рукав пальто. – Ну хоть чаю-то попить... Погреться!

– Да я не хочу тебя отвлекать...

– Вы меня ничуть не отвлекаете! У меня никаких дел... Сижу, скучаю, в окно смотрю, – призналась Лара. – Елена Игоревна, оставайтесь! Саша, наверное, уже скоро...

С трудом, но Ларе все-таки удалось уговорить ее остаться. Если бы не уговорила, Елена Игоревна потом донесла бы

Саше, какая Лара негостеприимная, даже чаю не предложила... Лара наизусть всю эту драматургию знала.

Не то что бы Елена Игоревна была злой свекровью, нет. Между ней и Ларой практически не случилось открытых стычек, да и жили они в разных домах, что сильно снижало накал страстей... Но все равно близкими и родными эти две женщины так и не стали. «Она неплохой человек, интеллигентный, тонкий даже...» – как-то попыталась Лара объяснить Свете, подруге, отношения со свекровью. «Но ты же сама говоришь, что она тобой вечно недовольна! – удивилась Света. – Критикует она тебя?» – «Критикует, – согласилась Лара. – Но она это делает не потому, что злая или специально навредить хочет... Нет! Просто она – мать. Она мечтала об идеальной жене для сына, а я – совсем не идеал». – «Идеальных людей нет! У всех свои недостатки...» – «Идеал не в смысле – правильная и хорошая, – оговорилась Лара. – Просто у Елены Игоревны есть определенный образ невестки, под который я не подхожу. Ее идеал».

Образ, мечта, идеал невестки у Елены Игоревны был таким: скромная, веселая, хозяйственная, добрая, приветливая, домашняя девушка. Скромно, со вкусом одетая во что-нибудь классическое, тоже скромных и веселых расцветок. С простой и милой прической, желательно – косой, подколотой на макушке, с трогательно открытой шейкой. С «приличной» профессией.

Этот образ Лара составила по высказываниям свекрови.

Самым интересным было то, что Лара полностью подпала под эти критерии и в полной мере обладала всеми этими качествами.

Лара никогда не отличалась развязностью, была, что называется, «тихоней», но вместе с тем любила и пошутить, и посмеяться... Была вежлива и воспитанна. Умела и любила готовить. По клубам и кабакам не ходила. И волосы у Лары тоже были длинными, и косу она иногда заплетала, дабы трогательно открыть шею... И с одеждой полный порядок, никакого экстрима и эпатажа... Да и профессия скромная и уважаемая – не какая-нибудь стриптизерша в ночном клубе.

Но – все равно. То, да не то. Все не то и не так!

Лара – неправильная невестка.

Не такая.

«Ей, твоей Елене Игоревне, наверное, ни одна девушка бы не понравилась!» – как-то заметила подруга Света, во время оживленной беседы за «красеньким, сухеньким», когда подруги делились друг с другом самым сокровенным.

«А вот и нет! – с азартом возразила Лара. – Елене Игоревне все же нравятся некоторые девушки, которые вокруг ходят... Она иногда даже просто влюбляется в кого-то! У нее, словно у гимназистки прошлых времен, очень развита эта особенность – влюбляться в людей, и не важно, мужчина это или женщина... Она до сих пор обожает Сашкину первую и перезванивается с ней иногда, она обожает какую-то там Иришу, соседку по даче... Слава богу, что и первая Сашки-

на, и Ириша эта – уже замуж выскочили!»

Но самой большой любовью Елены Игоревны, идеальным созданием, квинтэссенцией девичьей прелести была Принцесса из фильма Марка Захарова «Обыкновенное чудо». Ее там играла молоденькая Евгения Симонова. Порывистое, нежное, горячее, чистое, трепетное создание... У которой вся душа – в глазах. «Ах, какой выразительный взгляд!» – ахала Елена Игоревна, в очередной раз пересматривая любимый фильм.

Лара точно знала – от такой невестки Елена Игоревна не отказалась бы. Приняла бы ее всей душой и сердцем. Живьем с себя кожу содрала, ради нее, лапочки – если бы потребовалось.

– Проходите, я вам сейчас чаю налью, – сказала Лара, помогая свекрови снять пальто.

– Спасибо, Лара, – вежливо ответила та и отправилась на кухню.

Лара на миг остановилась перед зеркалом и оглядела себя со всех сторон. Все в высшей степени скромно и прилично: черные джинсы, черная водолазка. Черные прямые волосы, длинные – ниже лопаток. Хоть косы плети, хоть пучки на макушке вяжи. Черная густая челка, из-под которой серьезно смотрят на мир темно-карие глаза, с высоко поднятыми внешними уголками. Лара, подкрашивая глаза, всегда делала акцент на этих уголках – оттого взгляд казался таинственным, совсем уж кошачьим. Особенным, пронзительным. О-

очень выразительным!

И чего еще Елене Игоревне надо...

Лара быстро заварила чай, поставила на стол перед свекровью блюдо с разнообразными канапе – с овощами, отварной телятиной, рыбой, маслинами-оливками...

– Опять ты Сашу бутербродами кормишь, – огорченно произнесла свекровь. – У него же гастрит!

– У него нет гастрита, Елена Игоревна.

– В школе был у него гастрит. Ты что, хочешь, чтобы болезнь к нему вернулась? Я ему каши варила все детство... Ты почему ему каши не варишь, Ларочка?

– Он их не ест. Он бутерброды любит. Пиццу я пеку. Супы он любит...

– Ты все-таки вари ему каши, – свекровь из вежливости съела пару канапешек и отодвинула от себя блюдо.

– Я ему варила каши, – настойчиво повторила Лара. – Он их не ест.

– Так ты их как-нибудь по-особому приготовь! С изюмом, цукатами, фруктами... Он у меня всегда каши ел. И до сих пор, как приходит, ест!

Этот диалог повторялся уже в тысячный раз.

– Елена Игоревна, гастрит, как и язва желудка, не от плохого питания возникает... Они – от переживаний, от беспокойства. От нервов.

– Ты что, хочешь сказать, что человека с язвой желудка нужно бутербродами и прочей сухомяткой кормить? – Брови

свекрови взлетели вверх.

– Нет. Человеку с больным желудком требуется особое питание. Но сама болезнь – не от сухомятки возникает!

– Как? Ты считаешь, что можно есть все что угодно и ничего не будет?

– Нет. Все что угодно есть нельзя. Я, например, сосисок с колбасой Саше не даю, это отравка и химия... Вот, я телятину ему варю! – Лара подняла одно из канапе.

– Так и прекрасно! Но ты бы ее не на хлеб бы клала, а с гарниром... С картошкой, капустой тушеной, например.

– Саша не ест капусту. Его от капусты пучит, извините за подробности.

– Как это он не ест капусты?! У меня он всегда ел капусту! – с едва сдерживаемым раздражением произнесла свекровь. – Но ладно, не будем спорить... Тебя, Лара, не переспорить, у тебя на все есть ответ. Который час? О, пойду, пора уж...

Свекровь поднялась из-за стола.

– Подождите, сейчас Саша придет, отвезет вас на машине.

– Зачем? Я что, совсем старуха... Сама дойду.

«Саша будет недоволен, что я с ней плохо говорила...» – подумала Лара и решила подластиться:

– Елена Игоревна, а что вам на день рождения сделать? Хотите шоколадный торт испеку? У меня есть потрясающий рецепт австрийского торта, «Захер» называется!

Свекровь вздрогнула, метнула на Лару пронзительный

взгляд. И, ничего не говоря, принялась натягивать на себя пальто.

– Давайте помогу...

– Лара, ну что ты! Я же еще не такая немощная, как ты меня все пытаешься представить! – страдальчески простонала свекровь, выскочила за дверь и захлопнула ее прямо перед Лариным лицом – молодая женщина даже не успела сказать свекрови «до свидания».

«Да, глупо с этим «Захером» получилось, – уныло подумала Лара. – Но что делать, если он именно так называется?.. Знаменитый же торт!»

День рождения Елены Игоревны приходился на начало апреля. И справляли его обычно в квартире единственного сына, Саши. А где ж еще? Ведь у свекрови была небольшая однокомнатная квартира, а поздравить Елену Игоревну жаждала вся ее родня. Как то: младшая сестра свекрови, Клавдия Игоревна, ее дочь Люба (соответственно, племянница свекрови) и дети Любы – Стасик и Натуся (соответственно, внучатые племянники свекрови). Раньше еще приходил Любин муж, но потом Люба с ним развелась, и он совсем пропал, даже к родным детям перестал заглядывать...

На первый взгляд не так уж и много гостей, но зато публика проблемная, особенно Стасик и Натуся, дети подвижные и бойкие. Стасику и Натусе требовались большие площади для игр, а Клавдия Игоревна и Елена Игоревна, родные сестры, обожали пошутиться с глазу на глаз (опять

же, для этого требовалось отдельное пространство). Между ними, сестрами, была очень крепкая, нежная, трепетная дружба. Они не столько сплетничали, как могло показаться со стороны, а, скорее, изливали друг другу душу, выговаривались, выплескивали друг на друга любовь, выраженную в бесконечных, хаотичных, взволнованных беседах на самые разные темы.

Словом, всем родственникам в однокомнатной квартире Елены Игоревны было бы некомфортно. Специально собираться в доме у сестры, Клавдии Игоревны, – тоже не с руки. Идти всей компанией в кафе, ресторан – не душевно, не по-русски как-то. Пусть иностранцы в своих кафе штаны на чужих стульях просиживают!

А вот в трехкомнатной, просторной квартире Саши и Лары – самое оно. Лара готовила стол, приходили гости...

Лара несколько не была против этих посиделок в ее доме (уж раз в году-то можно и потерпеть!), единственное, что ее огорчало, – это то, что Елена Игоревна не всегда была довольна ее стряпней. Вот и в этот раз свекровь заранее напугал таинственный торт «Захер»! Поди, и пробовать не станет – из-за одного этого названия... А это просто фамилия одного австрийского кондитера, придумавшего вкусный шоколадный торт с абрикосовым джемом.

Квартиру эту – просторную, трехкомнатную – Саша и Лара купили несколько лет назад, продав то, чем владели раньше. У Лары была однокомнатная, где они жили с отцом (ма-

ма погибла в автоаварии, когда Лара училась в последнем классе). Отец тоже умер, но уже от алкоголизма (это, кстати, очень пугало Елену Игоревну – а ну как наследственный алкоголизм и у Лары, и будущих детей Лары и Саши случится!).

Саша же со времен института жил в квартире бабушки, матери его отца, коренной москвички. Отец Саши служил в молодости на подводной лодке, его там облучило, и потому он умер довольно рано. Но, к счастью, злое облучение произошло уже после рождения сына, Саши, иначе, по словам свекрови, у нее «неизвестно бы кто родился». Бабушка Саши, кстати, тоже умерла вскоре после смерти отца семейства...

Словом, Лара и Саша сложили свои жилплощади, добавили еще денег (вернее, добавлял Саша) и купили большую квартиру. Потом дела Саши пошли в гору, и он приобрел квартиру для своей матери, и с тех пор Елена Игоревна жила в Москве. (Семейство мужа по женской линии – из Суздаля. И Саша сам – провинциальный, суздальский.)

Многим, в том числе и родне Елены Игоревны, и Свете, Лариной подруге, казалось, что Саша – «новый русский», богач-бизнесмен, с легкостью приобретающий недвижимость и иномарки. Но это было не так...

Саша, муж Лары, работал финдиректором в одной небольшой фирме и являлся скорее яппи, а вовсе не богачом. Таких, как Саша, было пол-Москвы – набравших кре-

дитов, на приличных авто, с дорогими часами, но часто – без наличных в кошельке... Вот такой парадокс.

Проводив свекровь, Лара снова прилипла к оконному стеклу. На улице совсем стемнело. Во двор еще продолжали заезжать машины, каждый раз заставляя Лару трепетать, едва только она замечала полоски света от фар, ползущие по черному, отчищенному дворником асфальту... Но Саши все не было.

Наконец Лара решила и взяла в руки мобильный. Муж просил ее не звонить, пока он работает, и Лара всегда прилежно выполняла условие... Но сколько можно ждать!

Долгие гудки. Абонент не отвечал. Значит, Саша еще занят. Еще в своей конторе. Был бы в пути – ответил бы...

Лара включила телевизор. Вполглаза смотрела какое-то кино и продолжала думать о муже. Почему он так долго? Почему он всегда так долго?..

Саша и Лара уже десять лет как являлись мужем и женой (их брак был молодым, ранним, по безумной любви), но за эти годы Лара не смогла привыкнуть к графику работы мужа. Он постоянно задерживался, ему беспрестанно звонили, он вечно объяснял по телефону кому-то про какие-то платежи, налоги, договоры и т. д. и т. п. Да, такова современная жизнь, так падают все нормальные мужчины, но... Как же надоело вечно ждать мужа с работы!

Наконец в половине десятого вечера в дверь позвонили – громко и требовательно. «Саша!» – подскочила на дива-

не задремавшая Лара. Это был точно он, стопроцентно он – только Саша мог звонить столь бодро, требовательно, настойчиво... «Скорей откройте, пришел хозяин!» – говорил его звонок.

Лара заглянула в «глазок» и торопливо защелкала замками. Он, он, это он...

– Чего ты так поздно! – сердито, радостно закричала Лара, впуская мужа в прихожую. – Я жду, жду... Сколько можно! Твоя мама приходила.

– Мама? – Саша дежурно ткнулся губами Ларе в щеку, затем принялся раздеваться. – А что случилось?

– Не знаю. Разве она мне скажет! Зашла и убежала. Очень загадочная.

От мужа пахло, едва-едва – его туалетной водой, морозом, дымным московским воздухом... Лара не выдержала, обняла Сашу.

– Соскучилась! – с восторгом произнесла она.

– Да? – скептически вздохнул муж. – А ночью опять скажешь, что устала и хочешь спать. «Давай завтра, давай завтра!» – передразнил он.

– Са-ша!

– Ну что, Саша... У тебя любовь какая-то платоническая, – полушутя-полусерьезно пожаловался муж.

– Ой, ну перестань... Ужинать будешь?

– Нет, не хочу. – Саша направился в свой кабинет.

– А где ты ел? А чего ты ел? С кем? – Лара пошла вслед

за мужем.

– Нигде. Бутерброд был, его и съел.

– А, я думала, вы с Игнатьевым опять в ресторане сидели...

– Нет, что ты.

– А почему же так долго? – теребила мужа Лара. – Я тебе звонила.

– Правда? Я не слышал... – Саша распахнул гардероб, стянул с шеи галстук. Пока муж переодевался в домашнее – трикотажные брюки и широкую рубашку (куплено Ларой, на ее вкус – все такое мягкое, удобное, с забавными рисунками и вместе с тем очень стильное), Лара смотрела на него.

Фигура у Саши была еще юношеская, подтянутая, только животик немного выделялся... Но совсем немного. Кожа гладкая, светлая, плотная, практически без волос. Лишь на груди и в паху – островки темных, с рыжинкой, волос. Широкие икры.

Лара не любила мужчин с тощими ногами. Чего хорошего – широкий торс и ножки как у цыпленка... Вот у Саши – «правильные» ноги.

Еще у Саши – «правильная» форма головы, классическая, с хорошо развитым затылком. Голова английского лорда. У всех прочих мужчин головы уродливы – то дынькой, то тыковкой, то какие-то квадратные, с набрякшими загривками, бугристыми затылками, плоскими макушками... Фу.

Волосы у Саши – темно-русые, густые. Не длинные, но

и не короткие... Он их зачесывал назад, но одна упрямая прядь все время падала на лоб... Очень мило. И лицо у Саши было тоже классически-правильное, как у киноактера. Но без слащавости, без приторности! Вроде бы обычное мужское лицо, но в определенных ракурсах, при определенном освещении оно вдруг становилось таким дивно-прекрасным, необыкновенным...

– Вот чего ты все смотришь, а не пользуешься, а? – заметив ее взгляд, раздраженно спросил Саша, вешая костюм в гардероб.

– Я пользуюсь, – обиделась Лара. – А что было вчера и позавчера? И все прошлые выходные?

– Так это без души, формально.

– А как надо?

– Я тоже самое с надувной куклой мог проделать... Так нельзя! – Саша уже говорил серьезно, с обидой. С раздражением.

– Но мы уже десять лет...

– Тем более! – взвился муж. – Ты бы придумала что-нибудь... А белье? Где у тебя красивое белье? Какие-то белые скучные трусы и белые скучные лифчики... Это незротично! Я тебе столько напокупал, надарил... Почему ты это не носишь?

Разговор шел уже на повышенных тонах. С одной стороны, это был обычный супружеский спор (тысячу раз одно и то же обсуждали, Ларе давно надоело объяснять, что «эротич-

ческое» белье неудобное – кружева колючие, ляпочки узенькие у бюстгалтеров, в плечи впиваются (а у Лары, между прочим, грудь – третий номер, только широкие лямки показаны), трусы-бикини тоже не туда впиваются и колются, и везде какие-то швы, а швы мешают и колют, и натирают, поэтому нет ничего лучше и удобней простого спортивного, бесшовного белья, которое все охватывает... и плотно держит, никуда не впивается и вообще не чувствуется...

– Потому что неудобно! Ты мне все неправильное купил!

– Да? Тогда пойди в магазин и выбери сама! Только красивое! И эти джинсы твои мне тоже надоели... Купи для дома этот, как его... забыл. Ну, что-нибудь другое, короче! Только не черное!

Лара хотела возразить, но сумела сдержаться: «Не в духе. Устал. Может, неприятности какие на работе!» О работе Лара старалась лишний раз не спрашивать. И вот почему: какое-то время назад, года два или три, она случайно брякнула (после того, как Саша долго и горячо рассказывал о каком-то производственном конфликте), что ей все эти финансовые и бухгалтерские тонкости абсолютно непонятны и глубоко неинтересны.

С тех пор Саша на все ее вопросы, касаемые его работы, напоминал сердито: «А разве тебе это интересно?»

Саша перебрался в комнату, служившую супругам гостиной, упал на диван и включил телевизор.

– Сашенька, чаю хочешь? Или чего покрепче... – голосом

примерной жены спросила Лара.

– Да, если можно... Чаю.

Минут через пять Лара прикатила в гостиную сервировочный столик. Свежий чай, лимончик, фруктовый сахар, печенюшки, конфетки... Пусть попробует обвинить ее в том, что она плохая жена!

Саша сосредоточенно переключал музыкальные каналы. Остановился на том, где пела отечественная дива, известная всей стране своим недюжинным бюстом.

– Поет погано, – немного ревнуя, сказала Лара.

– Да это не важно... – усмехнулся Саша и потянулся за чашкой. – Зачем ты мне все конфеты подкладываешь – я же худею!

– У нее бюст из силикона, – кивнула Лара на экран.

– Ну и что. Красиво же. Есть на что посмотреть.

– На что тут смотреть? – засмеялась Лара. – Это же все ненастоящее! Силикон. Резина. Химия. Это все равно как если бы ты стал пускать слюни при виде каких-нибудь автомобильных шин. Или залюбовался бы шлакоблоками!

– Это красивая женская грудь. Но твоя лучше, потому что она – настоящая. И ты этим не пользуешься причем! – злобно произнес Саша.

– Опять?

– Не опять, а всегда... Почему ты ко мне не прислушиваешься, почему? Ты же не такой была раньше!

– Боже, как мне это надоело! – застонала Лара, оконча-

тельно выведенная из себя. Убежала в спальню, легла в постель. Но так и не заснула – все ждала, когда придет муж. Она просто физически не могла заснуть, когда его не было рядом.

Саша решил лечь только в начале второго.

– Она меня не любит, – пробормотала Лара, едва только тот опустил голову на подушку.

– Кто?

– Твоя мама.

– О-о-о... О-о-о... Послушай, тебе не надоело?!

– Тише...

– Она сказала, чтобы я кормила тебя кашами и капустой.

А я ей сказала...

– Лара!!! Мне до лампочки, что она тебе сказала! Просто не обращай внимания, и все! Сказала и сказала... А ты не обращай внимания!

– А чего ты орешь?

– Я не ору, меня просто все это достало! Она пожилой человек, не обращай на нее внимания!

– Зачем ты орешь на меня? Я что, не имею права и слова сказать? – обиделась Лара.

– Имеешь, имеешь... Но вот рядом с тобой лежит молодой, здоровый мужчина... Красивый, как ты говоришь! А ты начинаешь какую-то хрень обсуждать... Да сколько на свете одиноких женщин, которые бы тебя не поняли... Ты же не фригидная, ты – нормальная! Почему ж ты все споришь и

споришь?

– Я не спорю, только у меня всякое желание пропадает, когда ты на меня так орешь! Ты хочешь, чтобы все было романтично и страстно? Тогда не ори на меня! Тогда попытайся выслушать, понять! Тебе же ничего не надо, кроме одного...

– О-о-о-о-о...

Они уснули, поссорившись. Лара проснулась рано и первой убежала на работу. Саша из дома выходил позже, но и возвращался тоже поздно.

Весь день Лара переживала из-за ссоры. Она понимала и принимала упреки мужа в свой адрес (все так, все правильно он говорит), но, с другой стороны, ее огорчало, что Саша ее не слышит и не слушает. И эти дурацкие претензии в холодности...

Нет, страсть никуда не ушла, Лара по-прежнему обожала своего мужа, восхищалась им, но каждый день устраивать египетские ночи... Это чересчур, это выше ее сил.

Саша взрослый, нормальный, умный человек – зачем ему все эти спектакли с чулками, шпильками и кружевным бельем? Может, еще сыграть в строгую медсестру и непослушного пациента? Смешно... Хотя, наверное, Саша дико обрадовался бы. Мальчишка...

Но, опять же, ничего необычного в желаниях ее мужа не было – это Лара тоже понимала (имелся кое-какой опыт добрачной жизни, правда, очень небольшой). Александр – как

все мужчины. А все мужчины – такие. Только одни говорят об этом, признаются в своих фантазиях, другие – нет.

Саша был предельно откровенен, сколько Лара его помнила. И это касалось не только интимной жизни... А всего – быта, кино, дружбы, родственных отношений, политики, религии, всего миропорядка... Он всегда говорил что думает, и это часто смущало окружающих. Кроме его матери, Елены Игоревны. Что бы ее Сашенька ни вещал, какие бы странные, шокирующие идеи и мысли ни высказывал – она все благостно выслушивала и кивала головой.

Лару Саша терроризировал разговорами на интимные темы. А ей, взрослой женщине тридцати двух лет, казалось уже глупым нацеплять на себя чулки и кружевные лифчики красного цвета... Это смешно. Примитивно. Пошло. И потом, она – жена. А игрища все эти – для любовниц...

Но того, что муж может завести себе любовницу, Лара не боялась. Они слишком любят друг друга. И у него столько работы, что нет времени на что-то другое...

Тем не менее она решила пойти мужу навстречу и что-нибудь такое-этакое... затеять в ближайшие дни. Купить красивое белье, на свой вкус, накрыть стол – вино, свечи... А, ванну с лепестками роз еще устроить и забуровиться туда вдвоем с Сашкой! Боже, боже, как банально...

Хотя можно залезть в Интернет и набраться оттуда оригинальных, свежих идей.

Этим же вечером, пока мужа не было дома, Лара нашла в

виртуальных сетях один очень интересный форум.

Там молодые женщины и девушки делились своими сообщениями о том, как лучше устроить романтический вечер с любимым. Давали советы, фантазировали... Никакой порнографии – лишь сценарная сторона вечеринки. Ну, и еще всякие забавные истории из жизни – когда сюжет начинал развиваться совсем не так, как было задумано. Кто чего чувствовал, как отреагировал, какие слова сказал в тот или иной момент...

Лара хохотала от души, читая сообщения на форуме. Нечто такое она предполагала: в реальности все эти романтические задумки оборачиваются совсем не так, как думается. И шампанское бьет в нос некстати, и закуска оказывается несвежей, и родные являются не вовремя, и ножка у дивана ломается в самый неподходящий момент, и виагра иногда требуется сильной половинке...

Оказалось, что практически все женщины понимали комизм и нелепость подобных вечеринок, а мужчины воспринимали происходящее слишком серьезно.

Лара читала этот форум несколько вечеров подряд, напроць забыв, зачем она это делает. На форум иногда заходили мужчины, ужасались женскому цинизму и, в свою очередь, рассказывали свои истории, описывали подобные ситуации со своей, мужской стороны.

Потом Лара с трудом, но все-таки вспомнила о просьбе мужа и залезла на сайт женского белья. Вернее, облазила

несколько сайтов за несколько вечеров. Цены, модели, описания, торговые марки... Форум опять же почитала... Какое белье лучше покупать, а какое тех денег не стоит.

Хотела было уже сделать заказ с доставкой на дом, но потом решила, что лучше не рисковать, а примерить белье в магазине. Определиться с размерами, узнать цены и потом то же самое заказать через Интернет, только в два раза дешевле...

В выходные, когда Саша в очередной раз отсутствовал, Лара со своей подругой Светой отправились в торговый центр. Убили на это целый день, но так ничего и не купили, ни с чем не определились. Светке, девушке корпулентной, с нестандартными размерами, вообще ничего не подошло. И еще Свете нанесли глубокие душевные раны продавщицы, говорившие: «У нас нет ваших размеров, вам, наверное, надо в какой-то специализированный магазин ехать...»

И сами магазины женского белья были какие-то неправильные. Либо очень, непомерно дорогие и пафосные, либо китайский ширпотреб из синтетики, с торчащими нитками и уже образовавшимися катышками на чашечках...

В душевном расстройстве Лара со Светой зашли в кафе, что было на последнем этаже торгового центра, и просидели там до позднего вечера, пока Свете не стала звонить ее встревоженная мать (кавалера у Светы не было)... Ларе, кстати, Саша так и не позвонил – когда она подъехала на такси к дому, то муж только парковался на стоянке...

Саша обиделся на нее за то, что она пьяная – раз, что опять равнодушна к супружеским обязанностям – два и что, будучи в торговом центре, она так и не догадалась купить подарок Елене Игоревне, а ведь день рождения оной – буквально через несколько дней. Это три.

Лара автоматически обиделась на мужа (он опять скандалит и ворчит), и устраивать романтический вечер ей расхотелось.

Словом, время текло неумолимо, незаметно, ничего не менялось, все было как всегда – ссоры, примирения, рутина, будни, работа, дом...

Но кое-что все-таки произошло – наступила весна.

Растаяли сугробы на газонах, высохли лужи на асфальте, и сквозь серые, хмурые облака выглянуло солнце.

Третьего апреля у свекрови был день рождения.

Еще накануне Лара с Сашей съездили в супермаркет, накупили все для праздничного стола. Лара готовила целое утро. Можно, было, конечно, принести готовых салатов из кулинарии и не надрываться, но это бы оскорбило Елену Игоревну. И Люба тоже была бы недовольна – разве можно кормить детей покупными, подозрительными салатами?! А мало ли кто эти салаты резал – может, приезжие из ближнего зарубежья немытыми руками, без санитарных книжек их в грязном подвале ржавыми ножами шинковали? Роняли на пол, где крысы бегают, а потом упавшие, все облепленные микробами и бактериями кусочки эти снова пихали в салат?..

Нет-нет-нет, покупные салаты есть нельзя.

Впрочем, Лара эти салаты сама не любила. Даже в самых лучших, дорогих отделах кулинарии можно было нарваться на нечто несъедобное, заветренное. Кстати, именно в дорогих кулинариях и продавалось часто несвежее – поскольку из-за непомерной цены и раскупалось плохо... А обеспеченные люди ужинали в ресторанах, развесные полуфабрикаты их не слишком интересовали.

Поэтому Лара сама испекла пиццу, сама шинковала салаты, соорудила горку канапе... Пусть свекровь их не любила, зато Стасик и Натуся обожали. Еще Лара решила приготовить алкогольных коктейлей – цветных, смешных, интересных... У нее в барном шкафчике всегда было полно самых разных напитков – коньяки, бенедиктины, ром, травяные настойки, абсент, ликеры, водка... Много чего.

Лара довольно часто делала коктейли, поскольку Саша был лакомкой. Не выпивохой, глотающим алкоголь литрами, а именно лакомкой. А она, Лара, толк в алкоголе знала – профессия обязывала, как-никак.

В перерыве между шинковкой салатов на кухню заглянул Саша и пригласил в спальню. Лара, скрипя зубами, пошла за ним и свои супружеские обязанности выполнила. Все быстро, молча, не дольше десяти минут...

«Можно об этом написать на моем любимом форуме... – думала Лара, вернувшись на кухню. – Например, так – «муж входит, берет за руку, ведет за собой. Срывает с меня одеж-

ду... Лицо при этом у него мрачное, угрюмое, словно он выполняет какую-то повинность. Никаких звуков, никаких поцелуев, сплошной каменный век. Лишь негромко рычит в конце... Девочки, как вы думаете, это нормально? У всех так? Муж меня все время хочет и при этом ругает почему зря – все не то и не так. Он словно стремится к чему-то (а к чему именно, я не знаю), повторяя и повторяя как можно чаще этот акт любви, а то, к чему стремится, – не получает. Но я вру, я знаю, чего он хочет – он хочет романтизма, страстей, необыкновенной любви, чтобы все красиво, ярко, долго, сильно, чтобы я была какой-то женщиной-вамп в чулках и красном лифчике, с хлыстиком в руках... Но я не такая и он не такой, и вообще – любовь не такая, как ее показывают в кино и описывают в книгах. Все проще и скучнее. Поэтому я боюсь наряжаться и играть в глупые игры – мой муж тогда поймет, что ничего нет, что не к чему стремиться. Что эти минуты близости, его короткое рычание в конце – и есть самое лучшее в жизни. Потому что я люблю его».

Лара вытерла глаза от слез (она чистила лук) и продолжила сочинять свой пост, который она разместила бы на форуме. Разумеется, зарегистрировавшись под каким-нибудь таинственным ником. Дикая кошка или, например, Золушка. Пожалуй, Золушка – замечательный ник. А Дикая кошка – слишком пафосно и не отражает Ларину сущность. Какая же она дикая, когда насквозь домашняя!

«Девочки, вот все говорят, что с годами чувства уходят...

Но это не про меня, не про нас с мужем. Меня до сих пор пробирает дрожь, когда я его вижу. Я к нему так неравнодушна! Других мужчин для меня просто не существует. Все другие кажутся мне отвратительными, вонючими кривоногими уродами. Тупыми, скучными, грубыми. Я очень часто говорила мужу, что считаю его самым лучшим и необыкновенным, а он не верит. Вернее, верит, но от этого ему не легче. Он хочет, чтобы я показывала свою любовь. А как еще показывать, скажите?! Я и так уже вся наизнанку вывернулась... Я и хозяйка хорошая, и не скандалю много, и все такое прочее... Чего ему надо? Причем, девочки, я совсем не фригидная, я умею чувствовать и испытываю радость от секса – но, к сожалению, не каждый раз. И даже не раз в неделю. Иногда бывает, что раз в месяц... Ну, вы понимаете, о чем я. Да, тогда все необыкновенно! И он в восторге от меня... Я ему говорю – дорогой, праздников каждый день не бывает. Тогда праздники превращаются в будни. А он...»

Раздался звонок в дверь.

– Саша, открой! – крикнула Лара.

В коридоре защелкали замки. Голос Клавдии Игоревны, младшей сестры свекрови. У Клавдии странный голос – лающий, отрывистый, грубый. Но она совсем не грубая. Обычная женщина. Кстати, с Клавдией Ларе общаться легче, чем со свекровью. Клавдия, часть жизни прожившая в деревне, была проще, искренней, всегда высказывалась в лоб, прямо.

– Клавдия Игоревна, здравствуйте! – приветливо крикну-

ла Лара. – Вы простите, я тут на кухне занята...

– Привет, Лар, – лающим голосом отозвалась та. Зашла на кухню – в цветастой юбке, старушечьей кофте, с пучком на голове (а ведь не старая совсем – шестидесяти еще нет!). – Помочь?

– Нет, спасибо. Я сама.

– Сама так сама... – Клавдия зашаркала в гостиную. – Саш, ты куда убежал? Вот, глянь, у меня тут инструкция от утюга – переведи, как им пользоваться. От Любки, ты знаешь, никакого толка... Я специально раньше их приехала, чтоб не мешали!

Лара услышала, как муж спокойно, весело, доброжелательно беседует с Клавдией. Сашу, кстати, никто из его родни никогда не раздражал. Он со всеми был приветлив и добр – с теткой, матерью, двоюродной сестрой Любой, ее детьми Стасиком и Натусей... Они все считали его необыкновенным, добрым. Они были абсолютно уверены в том, что Ларе очень повезло с мужем.

Лара закончила свои кухонные хлопоты, умылась и вошла к себе в комнату. День рождения Елены Игоревны... Значит, надо что-то парадное надеть, не черное... «А то подумает, что я ей смерти желаю – в траур нарядилась!»

Лара перерыла весь свой гардероб. Из не-черного у нее было длинное коричневое платье с расклешенным подолом – его, это платье, остро ненавидел Саша и считал, что оно даже хуже, чем если бы было черным, и юбка из шотландки. Очень

короткая. Юбка Саше нравилась, особенно когда Лара натягивала на ноги черные гетры, а сверху облегающий джемпер... Но юбка казалась слишком короткой для дня рождения свекрови.

– Время и место, всему время и место... – пробормотала Лара, передвигая вешалки в шкафу. – Ладно, пусть будет маленькое черное платье. Это классика...

К платью она подобрала нитку жемчуга, на ноги – туфли-лодочки... Просто и со вкусом. Еще макияж сделать.

...Лара повернулась перед зеркалом. На нее смотрела довольно высокая, крепкая (но не толстая!) молодая женщина. С черными, длинными, абсолютно прямыми волосами. С черной густой челкой, которая спускалась почти до самых глаз. С черными, хищными, приподнятыми, подведенными почти до висков глазами. О-очень выразительными!

Словом, эта женщина в зеркале была красивой. Ну, если и не совсем красавицей, то интересной – уж точно. С изюминкой...

Любуясь собой, Лара, как всегда, вспомнила детство. Вот в детстве ее считали некрасивой. Тощая, голенастая, сутулая, волосы коротко стриженные, неопределенного пегого цвета, эти странные, угрюмые, дикие глазищи...

Мама даже несколько раз принималась плакать, глядя на дочь... «Мам, ты чего?» – «Ох, Ларочка, не представляю, как ты жить будешь...» – «А что?» – испуганно, подавленно спрашивала тогда Лара. «Да ничего... Но ты хотя бы учись

хорошо! Учеба – это главное... Бедная ты моя, хорошая ты моя... Ведь никто, кроме отца-матери, тебя так любить больше не будет!» – «Мамочка! Мамочка, я тоже тебя так люблю, так люблю!» Поцелуи, объятия, всхлипы... Потом – тоска на сердце, страх. Маленькая Лара боялась будущего.

В школе Лару дразнили «страшилой». Именно поэтому Лара всегда сутулилась, вжимала голову в плечи. Ходила опустив лицо – только бы не привлечь к себе ненужного внимания. Именно из детства у нее сохранилась эта привычка – смотреть исподлобья.

А потом, в последнем классе, случилось непоправимое, ужасное – мама умерла. Погибла в автомобильной аварии. И отец пил, пил... Одноклассники, уже не дети, но все еще по-детски безжалостные, нет-нет да и называли Лару «страшилой». Не в глаза, нет... Но Лара слышала, что говорят за ее спиной.

Тогда Лара, махнув на себя рукой, даже стричься перестала. Волосы убирала в хвост. Так быстрее, удобнее... И вообще, на все наплевать.

Одноклассницы покупали к выпускному платья, готовились... Даже Светка, подруга детства, искала самоотверженно что-то на свой размер, не сдавалась.

Лара, из какого-то мазохизма, тоже купила платье – черное, из блестящего атласа. Довольно короткое. «А, гори все синим пламенем... Чем хуже, тем лучше!» – ненавидя себя, девушка и волосы покрасила, в черный-пречерный, ан-

трацитовый цвет. Белое, бледное, слишком открытое лицо, и эти черные волосы. Лицо слишком выделялось, надо было его спрятать хотя немножко... И Лара сама выстригла себе челку.

И вдруг... И вдруг сама себе понравилась. Она – именно такая. Именно такой она себя и чувствовала – черной-пре-черной, в черном! Это совпадение внутреннего и внешнего потрясло Лару, восхитило. Она решила, что теперь всегда будет так ходить. Именно тогда Лара впервые нарисовала черные стрелки над глазами, зрительно приподняв их уголки к вискам...

Но самое интересное оказалось впереди. Когда Лара явилась на выпускной, ее никто не узнал в этом новом образе. Даже Света. А потом... А потом все в один голос заговорило: Лара, Лариса, Ларочка... Невероятно!

Парни моментально оценили ее – какая стильная девчонка, оказывается! Мнения одноклассниц разделились – одни считали, что Лара теперь выглядит хоть и стильно, но жутковато все же. А другие визжали от восторга – Лара, Ларочка, какая ты классная стала!

Первые стали спорить со вторыми. Одноклассники, мальчишки, так и обступили Лару, жадно, удивленно изучая ее: «Лара, ты супер. Почему раньше так не ходила? Лара, блин, ну где же ты раньше была?!»

Всю выпускную ночь Лара протанцевала и впервые в своей жизни поцеловалась...

Волшебное лето, вступительные экзамены, учеба в институте, поклонники...

Поклонники стали буквально роиться вокруг Лары, но серьезных отношений в ее жизни было мало – сначала бывший одноклассник, потом – один юноша с параллельного потока и еще – один взрослый мужчина (Виктор? Вадим? Валерий? Теперь и не вспомнить!).

Мужчине тому было за тридцать, и он, ко всему прочему, оказался женатым.

Любовница! Лара была его любовницей, еще не понимая, плохо это или хорошо – встречаться с несвободным мужчиной. Потом Ларе стала названивать супруга ее кавалера – истерики, проклятия, угрозы... Девушке стало страшно, неприятно, и в один вечер она разорвала все отношения с этим мужчиной. Раз – и все.

А через пару недель Лара познакомилась с Сашей. Александром. Сандриком. Шуриком. Сашкой. Алехандро, Алесандро... Лара обожала это имя. И самого Сашу тоже.

До сих пор.

– Опять в черном? – в комнату заглянул Саша. – Лара, я же тебя просил!

– А у меня больше нет ничего! – огрызнулась Лара.

Поругаться они не успели – в этот момент в дверь позвонили. Это явились свекровь и Люба с детьми. Крики, поздравления, суета, поцелуи, подарки...

Больше всех орала Люба, конечно. От матери, Клавдии

Игоревны, Люба унаследовала громкий, лающий голос. А еще деревенскую простоту в общении. Ту простоту, которая хуже воровства.

Лара не любила Любу и называла ту за глаза, в разговорах со Светой, хабалкой.

– Сашка! Привет, братишка! Лара, привет... Мама! Мама!!! Ты Саше уже дала инструкцию? Стаська! Ты куда босиком? Вернись, кому сказала... Сменку надень, что я, зря ее, что ли, тащила... Зая! Натуська! Ну а ты чего как неродная... Давай-давай, раздевайся, куртку снимай... Сама! Мама!!! Не надо ее раздевать, она сама должна уметь! – орала Люба.

Люба тоже была женщиной доброй, не злой. Она никогда никому не делала гадостей специально. Но, боже мой, как она орала... От ее голоса, ее командирских манер у Лары каждый раз начинала нестерпимо болеть голова.

Выглядела Люба тоже специфически – высокая, с узкими плечами и непомерными, несоразмерными, гигантскими какими-то ляжками, вечно подчеркнутыми спортивным трикотажем. Двоюродная сестра мужа предпочитала только спортивный стиль одежды – штаны с лампасами, футболки, толстовки, бейсболки... Чтобы все было удобно и функционально, чтобы можно было с детьми гулять, бегать по гипермаркету с тележкой, в машине ездить, сумки таскать на свой этаж, если лифт вдруг сломается...

Люба презирала макияж и стриглась «под мальчика». И

внешность, и поведение, и все в ней было подчинено только одному. Материнству. Вырастить, выкормить, выгулять, оздоровить, выучить, отогнать и наказать возможных обидчиков, выбить, вырвать зубами самые лучшие куски из жизни, чтобы потом бросить их детям – нате, жуйте скорее! Никому больше не давайте, ни с кем не делитесь!

Любу в семье мужа считали потрясающей, самоотверженной матерью. И Клавдия Игоревна, и Елена Игоревна дружно ненавидели Бориса, бывшего супруга Любы. За то, что тот сбежал, не выдержав семейных будней. Работать не хотел, валялся на диване, смотрел футбол... С детьми не занимался. Даже гвоздь не мог забить. Никчемный.

Но Ларе было жаль Бориса, она его понимала... Жить рядом с этой иерихонской трубой, этим электрическим венником – Любовью... Да у любого мужчины руки опустятся, любой сбежит!

«Она, твоя сестрица, похожа на самку «черной вдовы», паучиху, – однажды, не подумав, ляпнула Лара при муже. – Ее оплодотворили, и она своего самца тут же убила. Сожрала. Потому что больше он ей не нужен. Тебе так не кажется?»

«Господи, Лара, какая ты злая! – расстроился, разозлился тогда Саша. – Тебе же никто не нравится, ты всех людей чудовищами считаешь! Люба – она же святая...»

Однажды, пару лет назад, Саша с Ларой и Люба с детьми поехали вместе в отпуск, в Турцию. Это был самый плохой отпуск за всю Ларину жизнь...

Лара только тем и занималась, что следила за Стасиком и Натусей – бегала за ними, вытаскивала из воды, вылавливала в баре, искала по всей территории отеля, извинялась перед брезгливо-высокомерными иностранцами за «художества» детей...

Нет, Люба и Саша тоже приглядывали за детьми, но даже такого тройного надзора не хватало!

Стасик и Натуся отличались невероятной гиперактивностью. Они бегали, орали, дрались между собой – постоянно, днем и ночью... Особенно буйствовал Стасик, который, ко всему прочему, обожал что-нибудь ломать – раскручивать, развинчивать, дергать, выковыривать. Его едва успевали оттащить от стоп-кранов, ручек аварийного выхода, кнопок пожарной сигнализации, розеток, рычагов... Он ломал и коржил абсолютно все. На экскурсиях он приставал к экскурсоводам с глупыми вопросами, не давая другим туристам выслушать полезную и интересную информацию. Поздним вечером Стасик с дикими воплями бегал по коридорам отеля, когда многие уже легли спать... В самолете Стасик раскачивал кресло впереди сидящего пассажира, с размаху опрокидывался на откидывающейся спинке на другого пассажира, сидевшего сзади... Громко пел, выставлял ноги в проход, мешая стюардессам разносить еду, а потом эту же еду непременно опрокидывал на себя...

И ничего, ни одного слова, ни одного замечания Стасик не воспринимал во-об-ще. Натусю, девочку, еще как-то можно

было обуздать, заговорить, но Стасик...

Лара ненавидела Стасика. И не понимала, как муж, Саша, может возиться с этим мальчишкой, играть с ним, рассказывать ему что-то, объяснять... Сашу Стасик совершенно не нервировал.

Сейчас Стасику было двенадцать, Натусе – десять, но, кажется, ничего так и не изменилось...

Лара стояла в прихожей, прислонившись к стене, и наблюдала, как Люба воюет с детьми.

Потом, наговорившись, нацеловавшись, прооравшись, все потянулись за стол...

– Ларочка, опять бутерброды... – с безнадежной печалью пробормотала Елена Игоревна, глядя на блюдо с канапе.

– Мам, это для детей, – добродушно возразил Саша. – Смотри, как они уписывают! А я тебе сейчас винегретику положу. Смотри, сколько всего Лара наготовила!

Стасик с Натусей наперегонки поедали разнообразные, разноцветные канапе, которые соорудила Лара.

– Мамуля, за тебя! – Саша налил шампанское в бокалы. Все чокнулись; и дети в том числе – обильно поливая скатерть вишневым компотом.

– По даче соскучилась, – выпив, громогласно заявила Клавдия. – Все жду, когда на природу!

– Да, на даче хорошо...

– Сейчас туда не проедешь – грязи по уши.

– В мае, в мае поедем. Шашлыки сделаем!

– О да, шашлыки...

– Мясо, мясо, мясо!!!

– Стасик, не ори. Зая, давай я тебе буженинки подложу...

Теть Лен, смотрите, какое у моей Натусечки платье!

– Шикарное платье! Натусечка, подойди ко мне, деточка моя родненькая, самая красивая, самая моя любимая... Я ведь твоя бабушка тоже. Знаешь, Натусечка?

– Знаю, баб Лен! – радостно ответила Натуся, привычно подставляя щеки для поцелуев.

– А что, Ленк, хотела бы своих внуков? – хитро спросила Клавдия Игоревна, толкнув свою сестру локтем. – А? Признайся!

– Так у меня уже есть внуки! – Елена Игоревна вновь расцеловала круглую мордашку Натуси. – Стасик, иди ко мне, я тебя тоже поцелую, сокровище ты мое.

– Мясо, мясо, мясо! – Стасик, не переставая орать странным, горловым голосом, затопал к Елене Игоревне.

– Какой большой, какой сильный!

– Ну, давайте еще раз за тетю Лену...

– Не, Лар, ты мне эти коктейли не давай, я их не понимаю... Водочки бы.

– Мама! Какая водка! – всполошилась Люба, с тревогой глядя на Клавдию Игоревну. – У тебя же давление!

– А я люблю эти коктейли... – просто сказал Саша, поднимая бокал с разноцветным «Б-52». – Лар, молодец, какую красоту соорудила.

– Спасибо, – пробормотала Лара.

– Мясо, мясо, мясо!!!

Чокнулись, выпили еще шампанского.

Стасик с Натусей убежали из-за стола, принялись носить-ся по всей квартире. Люба сосредоточенно, самозабвенно ела. Вернее, не ела, а методично уничтожала еду. «Как лесоруб ест...» – подумала Лара.

– Теперь за родителей давайте...

– Ох, это правильно... Только не чокаясь!

– Лар, все очень вкусно, – настойчиво повторил Саша, глядя жене прямо в глаза.

– Спасибо. Спасибо.

– Ларк, ты чего такая кислая? Случилось чего?

– Нет, все в порядке, Клавдия Игоревна. Так, устала немного.

– А прям как на похоронах... И еще вся в черном! Ой, сколько помню, тебя, Ларк, ты все в черном, все в черном...

Клавдия Игоревна откровенно захмелела.

– Ленк, а ты знаешь, что Верка родила?

– Вера, жена Мити?

– Ага...

– Ой! – Елена Игоревна так возбудилась от этого известия, что схватила свою сестру за локоть и потащила за собой в соседнюю комнату. – Я же Митеньку с пеленок знаю... Как у них там с Верой?

Лара собрала тарелки и понесла их на кухню.

Где-то в глубине квартиры дикими голосами вопили Стасик и Натуся.

Лара поставила посуду на подоконник и замерла у окна. Она сама не понимала, почему ей вдруг стало так холодно, так тоскливо...

Она простояла довольно долго. Потом заставила себя пошевелиться, вышла в коридор. Дверь в соседнюю комнату – кабинет Саши – была распахнута. Оттуда доносились взволнованные, счастливые голоса Клавдии Игоревны и Елены Игоревны.

– ...как же я за Митеньку рада! Он молодец, хороший парень!

– Не то что Борька...

– Да, руки у него золотые! А как девочку-то назвали?

– Пока думают. То ли Анжелой, то Алисой хотят.

– Алисой... Нет, не то что-то. Анжела – еще куда ни шло.

– Я им предлагала Наденькой дочь назвать.

– Наденька – мило. Простое, хорошее имя. Я вот терпеть не могу имя Валерия. Девочку дразнить будут: Лера-холера. Или еще Лариса! Лариса-крыса. Нет, ни в коем случае девочек этими именами нельзя называть! – ласково, взволнованно произнесла свекровь.

У Лары задрожали руки. Она вернулась в гостиную.

Саша о чем-то весело болтал с Любой, смеялся.

Лара села за стол.

– Лар, это неприлично просто, – сказал муж, внимательно

на нее взглянув. – Что с тобой?

– Не обращай внимания... – Лара махнула рукой, допила шампанское из своего бокала. Потом потянулась к коктейлям...

– Лара, давай теперь за тебя! – сказал Саша. – Ну, не кисни...

– Надейся и жди, вся жизнь впереди! – запела Люба, тоже протягивая Ларе бокал.

«Нет, я ничего не скажу. Как будто и не было ничего. Подумаешь, про Ларису-крысу ляпнула... Она же не меня лично имела в виду! И вообще, она старенькая, не надо на нее обращать внимание!»

Из коридора раздался страшный грохот, потом – плач Натуси.

– Зая! Зая, что случилось?! – Люба молнией метнулась на помощь. И тут же позвала: – Саша! Саша, помоги вешалку поднять, они тут вешалку уронили! Зая, а ты не реви. Сама виновата. Кто ж на вешалки залезает... Ну все, все, все, дай твой локоть поцелую...

– Дай поцелую-у! Дай поцелу-ю!!! – горловым голосом запел Стасик.

...В половине двенадцатого гости ушли, довольные, счастливые, наговорившиеся вдоволь. Люба обещала довести Елену Игоревну до дома. Саша хотел, чтобы мать осталась ночевать у них, но Елена Игоревна заартачилась.

Лара пошла на кухню – складывать тарелки в посудомой-

ку. Складывала, складывала, а потом вдруг села на пол. Пол был теплый – с подогревом...

В груди, в самой середине, внутри – точно ком какой-то разбухал, пульсировал, заставлял Лару содрогаться.

Ком рос, не давал дышать.

Лара прижала ладони ко рту. И зарыдала – тихо, но так неистово... Ее тело буквально содрогалось от рыданий. Лара упала навзничь, глядя в потолок.

«Дети... Внуки! Она сказала – у нее уже есть внуки! А тогда, девять лет назад... О-о...»

Только сейчас Лара поняла, что именно вывело ее из себя этим вечером.

Не Лариса-крыса, нет. И не то, что Елена Игоревна в очередной раз покритиковала кулинарные изыски Лары... Дело было в другом!

В том, что Елена Игоревна заявила во всеуслышание, что у нее уже есть внуки – Стасик и Натуся. И дала понять, что других внуков ей и не надо... Она и без того счастлива, ей вполне хватает внуков сестры.

Возможно, свекровь произнесла эти слова без всякого умысла, желая выразить любовь к своим внучатым племянникам, желая сделать приятное сестре и Любе... Но ведь тем самым дала понять, что родных внуков ей и не особо надо.

Внуков от Лары.

Обидеть сына этими словами Елена Игоревна не могла – просто потому, что Саша никогда не обижался на мать. Что

бы она ни сказала, что бы ни сделала – он не злился и не раздражался. Ну, ляпнула мама глупость, ну и что теперь... Она же мама!

Они все – Елена и Клавдия, Люба, Саша – никогда друг на друга не сердились, моментально забывая о том, что сказали или сделали не так. Подумаешь – не со зла же...

Они априори были друг для друга хорошими и любимыми. Замечательными. Самыми лучшими. Они не видели недостатков друг друга, а Стасик и Натуся казались им всем славными ребятами... Хотя более проблемных и неприятных детей Лара еще в жизни своей не встречала. От них же с ума можно сойти! Все, буквально все окружающие стонали от Стасика и Натуси, и только семья мужа не находила в них ни единого недостатка.

Это благостное всепрощение, тотальное обожание внутри семьи убивали Лару: почему ей-то – ничего? Ни капли любви, понимания, приязни... Одна лишь холодная вежливость!

Не такая. Чужая. И дети ее – те, которые могли бы быть у Лары, – тоже чужие и не такие. «У меня уже есть внуки...» – простодушно призналась Елена Игоревна.

Почему? За что? Что она, Лара, сделала не так? Кого она обидела?

Нет, никого она не обижала. Просто она – чужая. И Саша именно поэтому был вечно недоволен Ларой, он видел эту стену между Ларой и своей родней и сам построил между собой и женой такую же стену...

Девять лет назад произошел этот случай.

Люба только-только родила младшенькую, Натусю. Все как сумасшедшие бегали вокруг счастливой мамыши, все дико радовались, в том числе и Борис, еще не сбежавший...

Елена Игоревна то и дело заглядывала к сыну и упоенно сообщала – вот Любочка рождает. Вот родила. Без единого разрыва, какая прелесть! Вес, рост малютки, какого цвета глаза, есть ли молоко, как малютка ест... Надо съездить в роддом. Все ехали – охапки цветов, хождение под окнами, слезы умиления... Потом Любу выписали. Бесконечные разговоры о том, какая Натуся замечательная и способная. Она активно ест и набирает вес! А Стасик (ему на тот момент было года два, три) – как он обрадовался появлению сестры! Да, он заявил, что надо Натусю в окно выбросить – какая прелесть! Это от ревности, это пройдет! Они потом подружатся и будут не разлей вода! (Тут небольшое замечание – как же, стали они, Стасик и Натуся, не разлей вода! Точно Том и Джерри друг друга дубасят... Оно, конечно, лет через двадцать, может, и образумятся, если друг друга не убьют.)

Крестины, именины. Бесконечные слезы радости и крики восторга...

Именно в тот момент Лара узнала, что беременна. Ей на тот момент было то ли двадцать два, то ли двадцать три... В общем, и года не прошло, как они с Сашей поженились.

Отношения со свекровью у Лары складывались довольно напряженные, что-то вроде холодной войны. В открытую

не ругались, но и пересекаться лишний раз не хотели. Елена Игоревна считала, что сын женился слишком рано. И что Лара – совсем не та, кто могла бы ему подойти...

Тогда Лара, желая наладить отношения со свекровью, рассказала ей о своей беременности. Ей, первой. Не Саше, а именно Елене Игоревне... Лара надеялась, что тогда наконец они станут с Еленой Игоревной родными. Ребенок Саши соединит их! И будет тоже радость, крики восторга, слезы умиления... Ведь родной внук (или внучка), а не какой-то там внучатый племянник.

И что же произошло? Как отреагировала Елена Игоревна на это известие?

Она зевнула! Впрочем, тут же замаскировав свой зевок под доброжелательную улыбку. «Ты беременна? Замечательно. Только вот не рано ли? И куда вы с Сашкой торопились...» (Причем Люба была лишь всего на два года старше Лары. Но Любе никто и никогда не говорил, что рожать – рано.) Лара осеклась. Но руки не опустила. Она помнила, как совсем недавно выбирали имя ребенку Любы, когда та только-только забеременела... Даже пола ребенка еще не знали, а уже страстно обсуждали имена.

И Лара тогда сказала: «Елена Игоревна, я вот думаю, а как назвать ребенка? Каким именем?» – «Каким именем? – наморщила лоб свекровь. – По-моему, рано об этом думать. Вот родится – тогда поговорим... У тебя какой срок? Четыре недели? Ну-у, милая моя, это смешно! Может, там и нет ни-

чего...» – «Мне УЗИ делали, Елена Игоревна». – «УЗИ? Ох, не верю я этому УЗИ... Меня сколько раз этим УЗИ светили – то есть киста, то нет кисты... Ничего не смогли определить. Вот вам и УЗИ! Так и живу, слава богу».

Долгая пауза.

«Ладно, пойду я, Елена Игоревна. Скоро Саша с работы вернется...» – «Иди, милая. Он, наверное, голодный». – «До свидания». – «До свидания!»

Все. Больше ни единого слова, будто Елене Игоревне скучно и неинтересно было обсуждать это малозначительное событие – рождение будущего внука или внучки. Даже больше того – свекрови было как будто неприятно. Неприятно за сына, Сашу. Ишь ты, взрослым стал, ребенка заделал... Фу, как отвратительна вся эта физиология, эта жажда совокупляться у мужчин... Абы с кем совокупляться.

Конечно, вслух Елена Игоревна ничего такого не произнесла. Все вежливо, все пристойно. Адекватные рассуждения – вот родится, тогда и имя станем придумывать...

Но такая реакция поразила Лару, она ведь хорошо помнила, как ликовала свекровь, когда родилась Натуся!

Вечером того дня (девять лет назад) пришел домой Саша. Они с Ларой жили еще в квартире Сашиной бабушки. Саша, молодой специалист, собирался брать кредит на покупку квартиры. Еще требовалось продать квартиру Лары, потом эту, потом купить маме, Елене Игоревне, жилье, поскольку мама старенькая и ее надо перевозить из Суздаля... (На тот

период времени Елена Игоревна гостила у сестры, Клавдии.)

Лара сказала мужу о своей беременности. «Упс... – про-
бормотал Саша потрясенно. – И где это мы прокололись, ин-
тересно?...»

Больше он ничего не сказал, поужинал и лег спать.

А на следующий день Лара побежала в больницу и сдела-
ла аборт. «Никому не нужен этот ребенок? Никто не рад? Ну
так и не будет его!» У Лары был еще маленький срок, опе-
рация оказалась довольно легкой и быстрой – так называе-
мый микроаборт. Раз – и нету ничего. Полежала часа два –
и можно домой.

Что на это сказал Саша? А тоже ничего. Кажется, только
пожал плечами.

Именно тогда Лара решила, что не родит ребенка до тех
пор, пока Саша ее не попросит. А Саша и не просил... За те
годы, что они прожили потом вместе, так и не попросил.

Последствий от аборта не было, Лара в любой момент
смогла бы стать матерью. Но теперь уже Лара делала все, что-
бы не забеременеть. Благо контрацептивы нового поколения
позволяли исключить всякую возможность.

Лара не любила вспоминать эту историю, случившуюся
девять лет назад. Но сегодня, когда Елена Игоревна при ней
заявила, что у нее уже есть внуки и других ей не надо, Лара
буквально обезумела.

«Что за люди, что они все за люди...» – она каталась по
полу, зажимая себе рот, стараясь сдержать рвущийся из гру-

ди крик. Что они с ней сделали! Что она сделала с собой из-за них...

– Лара! Лара, что случилось? – в кухню вбежал Саша. – Что это за вой? Господи...

Он хотел подхватить ее, поднять, но Лара с силой оттолкнула его руки.

Саша отступил назад, выражение его лица моментально изменилось – стало холодным, мрачным.

– Лара, прекрати, – произнес он. – Что за истерика? Прекрати, или я надаю тебе пощечин.

Он никогда ее не бил. Ну что ж, пускай он ее ударит. Так даже лучше. Теперь будет повод его ненавидеть.

– Лара! Ты можешь мне объяснить, что случилось?

Лара выгнулась, забилась, потом замерла. Она успокоилась так же быстро, как и завелась.

– Мне больно, – со злостью, сквозь зубы произнесла Лара. Села.

– Где тебе больно?

– Здесь, – Лара указала себе на грудь.

– Сердце?

– Нет. Душа болит.

– Душа болит, – пробормотал Саша и сел на стул напротив. – И как это я сразу не догадался, что у тебя душа болит...

Лара поправила волосы. Она совсем не такой реакции ждала от мужа. Она хотела, чтобы он ее пожалел, сказал бы

ей хоть одно доброе слово... А он ее ненавидит. Ему противны ее слезы, ее переживания.

– Что на этот раз? Хотя погоди, я сам догадаюсь. Мама опять что-то не то сказала. Да?

– Да, – не сразу заговорила Лара. – Она сказала, что у нее уже есть внуки и другие ей не нужны.

– А что она еще могла тетке сказать? Ты же видела – Клавдия уже напилась...

– Она и тогда была против, – с трудом произнесла Лара.

– Когда?

– Девять лет назад. Помнишь? – Лара в упор посмотрела на мужа.

– О-о-о... Начинается! Какая же ты дура, боже мой! – Саша схватился за голову. – Какая же ты дура... Как мне все это надоело!

Лара встала, прислонилась спиной к холодильнику.

– Вы убили моего ребенка. Ты и она.

– Ты убила его! – заорал Саша. – Ты!

– Ни слова радости, ни слова поддержки... Вы носились только с этой Любой, тупой коровой...

– Лара, ты вспомни – разве я сказал хоть слово против? А? Да, я был в шоке... Двадцать четыре мне тогда было... Нет, двадцать шесть! Еще сам дурак! Да, я не стал прыгать от радости... Но куда бы я делся? Никуда бы я не делся! И потом, у мужчин все немного по-другому, они не сразу догоняют, не сразу чувствуют... а потом-то они все понимают: как это

здорово – быть отцом! Это ты убила нашего ребенка, ты!

Лара засмеялась:

– Нет, Сашенька, не я... Ты. Ты – мужчина, ты главный в семье. Ты должен был сказать мне хотя бы одно слово... Ты должен был поддержать меня!

– Как мне это все надоело... Но это же глупо – носиться с какими-то воспоминаниями, дуться, все время ходить с кислой физиономией... Я целый вечер поддерживал тебя, говорил добрые слова. Ты не заметила?

– Я бы хотела, чтобы ты любил меня точно так же, как свою мать. Чтобы ты тоже все мне прощал. Все-все! Слова, поступки... Чтобы ты смотрел на меня так... так спокойно, весело, с нежностью... точно так же успокаивал, поддерживал меня – как ее! Ты же ее больше любишь. Она, только она тебе дорога...

– О-о-о... Нет, это невозможно! – Саша схватился за голову.

– Ладно, не буду. Не буду! Давай по-другому... – с азартом, задыхаясь, произнесла Лара. – Саша... Саша, ты хочешь ребенка от меня?

Она задала этот вопрос прямо. В лоб. И была на сто процентов уверена, что муж ответит ей «да». Или, в крайнем случае, скажет что-нибудь вроде – «ну, если тебе это так надо – давай попробуем». Ведь он только что сам сказал – «Как это здорово – быть отцом!»

Саша посмотрел ей в глаза, и спокойно, устало, без тени

сомнения, ответил:

– Нет.

И вышел из кухни.

Лара села на стул, потеряла виски. Она была ошеломлена и раздавлена ответом мужа. «Он сказал «нет»! Значит, он меня совсем не любит... Назвал меня душой! Я ему настолько противна, что он даже ребенка от меня не хочет!»

В эту ночь Лара легла у себя в комнате.

Несколько дней они с Сашей не разговаривали, не спали вместе. Еще никогда они не находились так долго в ссоре.

Лара была подавлена, убита...

А в одну ночь ей приснился странный сон – будто она держит на руках младенца. Того самого, которого не родила. Младенцу уже месяцев восемь-десять, взгляд у него осмысленный, спокойный. Доброжелательный. Как у Саши... Это – мальчик. Сын. Он еще не говорит, не ходит, но все понимает, чувствует.

Лара во сне отчетливо ощущала тяжесть ребенка, тепло его тела, бархатистую гладкость кожи. Его милый, родной запах. И еще – его любовь и привязанность к ней, к матери. Она для него – свет и солнце, как для любого ребенка.

Во сне Ларе было особенно приятно то, что мальчик спокойный, не дерганый, не крикливый (как дети Любы, например). И что он до безумия похож на Сашу, и оттого ее любовь к ребенку становилась совсем уж запредельная, едва выносимая – вот-вот сердце разорвется от этой огромной любви...

Лара проснулась утром, вся в слезах. Она сидела на кровати и плакала, плакала...

В первый раз ее нерожденный ребенок представился ей таким реальным, живым. Мальчик. Сын...

– Прости, прости, прости... – прошептала Лара, плача так, что сердце у нее в груди заходило. – Это только я перед тобой виновата! Я правда дура... Я такая дура! Что же я наделала, что же я наделала...

Особую боль Ларе причиняло еще то обстоятельство, что она так долго не вспоминала об этом ребенке. Не вспоминала с любовью. Она ведь, в сущности, была к нему равнодушна. Она обижалась на мужа, на свекровь, но о самом ребенке она никогда не думала как о живом существе... Все эти девять лет – она не любила его. Ее мальчик все эти девять лет был нелюбимым, брошенным, забытым – там, в том черном зазеркалье, где сейчас находилась его душа. Ни слова доброго она ему не сказала, ни поцелуя не послала – мысленно – за все эти годы...

Если бы ее ребенок родился, он сейчас уже пошел бы в школу, во второй класс... Он жил бы в одной из этих комнат. В своей комнате, детской, под завязку забитой игрушками и книгами. А она, Лара, готовила бы ему завтрак перед школой. Ему, ее мальчику, и Саше...

Лара встала и на дрожащих ногах, плача, ничего не сообщая, пошла в спальню. Она хотела прижаться к мужу, обнять его.

Но мужа, Саши, в спальне не было, он уже ушел – необычно рано.

Тогда Лара легла в супружескую постель и плакала, плакала... Потом, собравшись с силами, позвонила на работу и разбитым голосом сообщила, что сегодня останется дома. Ей позволили – начальница, Маргарита Юрьевна, всегда хорошо относилась к Ларе.

К полудню Лара немного успокоилась. Умылась, оделась и вышла из дома. Она направилась в церковь...

И там, у иконы Божьей Матери, долго стояла, крестилась, мысленно рассказывала о том, как она раскаивается, как она сожалеет о своем поступке... И очень просила позаботиться о ее ребенке – если это только возможно. «Помоги, Царица Небесная, пригляди за моим мальчиком!..»

Молитв Лара не знала, она так же очень смутно представляла, как и о чем нужно просить, и вообще, есть ли, по религиозным представлениям, душа у нерожденных детей...

Лара просто излила свое горе у иконы.

И в конце своей импровизированной молитвы вдруг успокоилась. Вернее, не успокоилась, а поняла, как ей надо жить дальше.

Сделанного не исправишь. Но можно искупить... Что толку рыдать! Надо родить еще ребенка. Помириться с Сашей и родить ребенка.

Саша поймет. Он добрый человек. Он хоть и сказал, что не хочет от нее детей, но он произнес это несерьезно. Лара

вчера довела его, вот он и ляпнул... Они всегда мирились, помирятся и сейчас. И больше никогда Лара не станет закатывать ему истерики, упрекать его, изводить всякими глупостями...

Возможно, Саша очень сильно на нее обиделся. Тогда что? Тогда надо сделать то, против чего он не сможет устоять... Чего он просил уже давно.

Лара побежала в ближайший торговый центр. Если раньше она не могла подобрать себе ничего подходящего, то сейчас неожиданно легко и быстро купила комплект замечательного белья. Кружевные чулки. Пеньюар. Босоножки на невероятной шпильке (ходить в таких по улице невозможно, а вот покрасоваться в них перед мужем дома – самое оно).

Затем зашла в парфюмерный отдел. У нее были дома духи, и много... Но сейчас надо поразить Сашу новым ароматом! Что-то цветочное, фруктовое... Лара обожала легкие, «компотные», девичьи запахи. Хотя нет. Надо нечто принципиально новое! Она выбрала для себя тягучий, восточный аромат. Пусть муж удивится... Все – для него. Чтобы он радовался, чтобы был счастлив. Чтобы получился праздник... К черту контрацептивы.

У них появится ребенок.

И плевать, что свекровь не будет его любить... Зато она, Лара, будет обожать своего малыша. За десятерых. Она, Саша тоже... Настоящая семья!

Лара отправилась в супермаркет, купила там дорогого ви-

на. Свечи еще. У них будет романтический вечер со свечами и вином. Банально, смешно, глупо... Но зато от всей души. «Так, что на закуску? Каких-нибудь деликатесов... Пирог еще испеку – легкий, воздушный, с фруктами. «Саша, попробуй – пирог совсем некалорийный!» Он на диете, он переживает, что у него пузцо стало видно... Если б он только знал, как я люблю его, вместе с его пузцом! И, кстати, пусть не придумывает – совсем он не толстый...»

Дома Лара принялась отчаянно хлопотать, наводить красоту в квартире, себя приводить в порядок...

К семи вечера все было готово – стол и сама Лара. Она любовалась собой в зеркале – очень, очень соблазнительно. Саша точно не устоит... Они помирятся!

К семи Саша редко когда возвращался, но – а вдруг?... В восемь Лара отправила мужу эсэмэску: «Ты скоро?» Она знала, что на звонок Саша может и не ответить, а вот эсэмэску трудно проигнорировать.

Минут через десять пришел ответ: «Сейчас на работе, вечером собираюсь к маме. Буду поздно».

Лара пришла в отчаяние – как он может ехать к маме, когда тут, дома, его так ждут! Но Саша же ничего не знает – что она, Лара, пережила, сколько перечувствовала, что она теперь – совершенно другой человек...

Лара маялась часа три. Мужа все не было. Наверняка он уже у матери. Сидит на кухне у Елены Игоревны, та его угощает какими-нибудь голубцами, они болтают неспешно –

мать и сын... Что же делать?

Позвонить на телефон Елены Игоревны? Нет, с ней не очень хочется говорить... Надо идти самой – благо минут двадцать пешком. А можно еще машину поймать, за пару минут доехать. Явиться к свекрови и увести оттуда Сашу...

Лара скинула пеньюар, оделась, накинула плащ и выбежала из дома.

Было тепло – середина апреля как-никак... Деревья еще не успели покрыться листвой, но воздух наполнился терпкой, древесной свежестью – наверное, это пахли набухшие почки. По улице, смеясь, шли люди, много людей – несмотря на то что час был поздний... Все, все вокруг казалось каким-то легким, радостным, взбудораженным.

Предчувствие счастья, новой жизни. Никому не хотелось ни сна, ни покоя.

Лара поймала такси и хоть и не за две, но за десять минут доехала до дома свекрови.

Набрала код на домофоне, зашла в подъезд, поднялась на нужный этаж и замерла перед дверью, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Потом надавила пальцем на звонок.

За дверью была тишина.

Ничего не понимая, Лара еще несколько раз позвонила. «Да что ж такое...» Прислушалась – за дверью раздалось неуверенное шарканье. В доме кто-то был!

– Елена Игоревна, откройте! – закричала Лара. – Все в порядке?

Дверь распахнулась.

– Лара, что ж ты кричишь на весь подъезд... Здравствуй, – сказала свекровь, кутаясь в шаль. – У тебя-то самой все в порядке? Заходи...

– А чего вы не открывали?

– Я? Я уже спать легла. Не слышала звонок.

«Врет, – почему-то подумала Лара. – Просто не хотела открывать, когда меня в «глазок» увидела. Открыла только потому, что я орать стала».

Дверь в комнату оказалась распахнута – мужа там не было. Но Лара все равно спросила:

– Елена Игоревна, Саша у вас?

– Саша? – Свекровь задумалась.

– Он говорил, что собирается к вам!

– А, ну да. Он ко мне собирался. Наверное, скоро будет.

– Точно будет? Или только собирался? – нетерпеливо спросила Лара.

– Я не знаю... Я его не совсем поняла, – неопределенно-уклончиво ответила свекровь. – Да, ты чаю хочешь?

– Нет. Я пойду. Я просто не могла дозвониться... Так, на всякий случай решила к вам забежать, – пробормотала Лара, отступая назад.

В коридоре, на видном месте, висела картина – березовая роща, озеро. Картина была наполнена светом, прозрачна. Акварель. Этот пейзаж рисовал Саша.

Лара вспомнила, что муж в юности занимался рисовани-

ем, собирался даже стать художником. Но потом передумал, стал учиться на экономиста. Вернее, не он передумал, а это Елена Игоревна отговорила сына. Она считала рисование занятием несерьезным, неденежным.

«Саша – маменькин сынок... Всегда и во всем ее слушается. А она его защищает неизменно, покрывает. Вот и сейчас врет. Ничего Саша ей не говорил, что собирается к ней в гости, она это только что придумала!»

– До свидания, Елена Игоревна.

– До свидания, Лара!

Лара выбежала на улицу. Совсем ночь. Хотя... Саша всегда задерживался. «Но зачем он написал мне эту эсэмэску, что он собирается к маме? Хитро-о... Он знал, что я не стану проверять, не стану ни звонить свекрови, ни заходить к ней... А я вот взяла да и зашла!»

Лара прибежала домой. Саши не было. Да где же он? Все-таки к матери решил поехать? Нет, теперь уже вряд ли, он примерный сын, свою маму не побеспокоит столь поздним визитом.

Лара взяла сотовый и принялась звонить мужу. Один звонок, другой, третий... Саша не отвечал.

Вполне обычная, привычная даже ситуация, и волноваться о том, что с мужем, возможно, что-то случилось, было глупо. Тысячу раз он задерживался, тысячу раз не отвечал на звонки...

«Ладно, не буду паниковать раньше времени. – Лара ре-

шила взять себя в руки. – Он задерживается на работе, как всегда... К Елене Игоревне не поедет. Он скоро будет дома, и я помирюсь с ним. Все будет хорошо. Я не стану делать глупостей, я не стану скандалить...»

Лара переделалась обратно в пеньюар, встала на шпильки. Прошла по комнате, потом выглянула в окно, обозрела автостоянку. Сашиной машины не было.

Звонок городского телефона.

– Алло! – Лара сорвала трубку.

– Ярцева, привет.

– А, Светка... Привет! Тебе чего?

– Ты спишь уже? Ладно, прости, завтра позвоню. Я так, просто... Поболтать, – вздохнула на том конце телефонных проводов подруга. – Знаю, что ты обычно поздно ложишься...

– Давай поболтаем, – неожиданно согласилась Лара. – Я Сашу жду...

Лара вместе с телефонной трубкой зашла к себе в комнату, забралась под одеяло – все-таки в этом несерьезном, полупрозрачном и коротеньком пеньюаре было холодно.

– А что, его все еще нет? – удивилась Света. – Ты на часы посмотри!

– Он всегда так работает – допоздна. Сейчас жизнь тяжелая, сама знаешь...

– Но не настолько же! – простодушно воскликнула Света. – Он что – негр на плантации? Как тебе ни позвоню – ты

все Сашу своего ждешь...

– Ты на что намекаешь? – напряженно засмеялась Лара.

– Подозрительно все это.

– И что?

– Ты бы его телефон проверила, что ли.

– Фу, Светка! Это же так гадко – шпионить! – возмутилась

Лара. – Саша меня уважать перестанет, если я начну рыться в его карманах, проверять сотовый, электронную почту и все такое прочее...

– А ты незаметно! – с азартом воскликнула Света.

– Кто ищет – тот всегда найдет, – сказала Лара, которая на самом деле была убеждена, что не обнаружит никаких улик. Потому что Саша не может ей изменять. Она бы это сразу почувствовала, поняла бы...

– Это точно! – грустила Света. – Я бы с ума сошла. Лучше ничего не знать и жить в полном неведении.

Лара улыбнулась, попыталась представить, какой у Светы был бы муж. Заерзала, укутавшись еще плотнее, откинулась на подушку.

– Почему ты не хочешь замуж, Света? Не обязательно замуж, но чтобы рядом был кто-то...

– А смысл? Вот ты – замужем, и все равно одна...

– Ты врешь. Ты не поэтому не замужем.

– Ладно. Ладно... – моментально и без всякой обиды сдалась Света. – Я одна, потому что никому не нужна. Я толстая уродина.

– Глупая. Во-первых, ты не уродина, а во-вторых – это тоже не причина.

– Как – не причина? – опешила Света.

– Ты не хочешь с кем-то встречаться. Ты уже замужем. У тебя уже есть главный человек в жизни, и общение с ним занимает все твоё время.

– Это кто такой? – с любопытством спросила Света.

– Твоя мама.

– Тьфу на тебя. Мама – это мама! – возмутилась Света. – Я что, должна ее бросить? И вообще – у мамы, кроме меня, нет никого! Я ее родная дочь!

– А еще ты женщина. А еще ты человек.

– Ярцева, ты пересмотрела своих ток-шоу. И прочитала слишком много женских журналов, особенно рубрики «Советы психолога»...

Они с азартом и совершенно без всякой обиды принялись пререкаться. Они так давно друг друга знали, что превратились почти в родственниц, двух сестер.

– Лар! – вдруг сбилась Света. – А правда, если мою маму отвести к психологу?

– Чтобы она перестала тебя опекать?

– Нет. Чтобы она перестала копить барахло.

О том, что мама Светы никогда ничего не выбрасывает, Лара знала давно, еще со школьных времен. Мама Светы хранила все сломанные зонтики, поношенную обувь, одежду, которая вышла из моды и давно перестала налезать...

– По-моему, это не страшно.

– Ага, не страшно! – застонала Света. – У нас вся кладовка забита каким-то старьем! Все шкафы! Я не могу ничего купить, потому что положить будет некуда!

– Ужас какой. А с помоек она вещи не тащит? – испугалась Лара. – Я передачу недавно смотрела – там одна старушка столько мусора с помойки притащила, что прямо до потолка...

– Нет, слава богу, до помоек дело еще не дошло, – дрожащим голосом произнесла Света. – Я тоже про такое слышала... Это что-то психическое, да. Но у мамы не так, она просто бережливая... Видимо, помнит времена дефицита, бедность, тяжелые 90-е, когда все по карточкам...

– Бедная.

– Я нашла валенки своего деда, который умер в 80-м. Тогда еще Олимпиада была, Высоцкий умер тоже... Мама до сих пор хранит эти валенки.

– Наверное, думает, что они могут пригодиться! – засмеялась Лара. – Случится кризис, пропадет вся обувь – и вот тогда наступит звездный час этих валенок!

– Да, как же! – захохотала и Света. – У моего деда была огромная нога... Размер сорок седьмой, не меньше.

– Ну и что? Как миленькая носить их будешь!

Они развеселились, принялись дружно придумывать, куда еще можно приспособить эти валенки. Болтали около часа, потом Свету позвала ее мать... Пришлось прощаться. Ла-

ра, немного отвлекшаяся от тревог и мучительных мыслей, терзавших ее сегодня, неожиданно уснула.

* * *

Александр, насвистывая, вел машину по ночной Москве. Звонок мобильного.

– Мам, привет... Все в порядке?

– Лара недавно ко мне заходила, – услышал он голос матери.

– Лара? А, ну, да... – он с досадой поморщился. – И что?

– Сказала, что тебя ищет. Что ты должен быть у меня.

– Да, я ей сказал, что, может быть, сегодня к тебе заеду...

– Я не знала, что ей ответить, – помолчав, вздохнула Елена Игоревна. – Она такая странная. Ты меня заранее предупреждай, что ей говорить. А то я лишнее слово боюсь сказать, мало ли что... Как по минному полю хожу все время!

– Не бери в голову, мам. Ну все, спокойной ночи.

Александр притормозил у тротуара. Посмотрел на часы на приборной панели, потер виски. Снова достал мобильный телефон и принялся набивать сообщение.

Получил ответ, улыбнулся.

Затем взялся за руль, нажал на педаль газа и быстро развернул машину в обратном направлении.

Лара проснулась внезапно, с беспокойством, тревогой в сердце, в воспоминаниях и переживаниях – опять о ребенке, о том, что надо обязательно помириться с мужем. «Где же Саша?»

Лара вскочила и, запинаясь на высоких шпильках, выбежала в коридор. Настенные часы показывали час тридцать ночи. На банкетке, в прихожей, стоял Сашин портфель. В ванной горел свет, журчала вода.

«Пришел!» – возликовала Лара.

Она села на банкетку, отодвинув Сашин портфель. Ждать, наверное, придется долго – муж любил поплескаться в душе.

Лара вспомнила недавний разговор с подругой, протянула руку к сумке. «А что такого? Все делают это... Почти все!»

Лара щелкнула замком, залезла внутрь портфеля. Папка с документами. Еще папка. Еще какие-то бумаги. Зонтик. Кепка. Кашне. Ключи, еще какие-то мелочи... «А где же содовый? Неужели с собой, в ванную взял?» – насторожилась Лара. Это было бы чересчур...

Тогда Лара, стараясь не цокать каблуками, помчалась в комнату мужа.

Шкаф был распахнут, на кресле висела скомканная рубашка, валялся галстук на полу – экзотической пестрой змеёй.

Лара взяла рубашку, поднесла ее к лицу. Рубашка пахла Сашей – теплый, чуть терпкий, настоящий на запахе дезодоранта и туалетной воды, родной запах. Чуть-чуть чувствовался также сигаретный горький душок, чуть-чуть отдавало тем воздухом что царил в салоне Сашиного авто, чуть-чуть – знакомый, офисный запах, немного скучный и спокойный. Еще – запах кожи от брючного ремня. Все. Никаких посторонних ароматов. Общее впечатление было привычным, не вызывало тревоги.

Иногда Лара улавливала аромат индийских благовоний, кальяна, восточных специй, карри, чеснока, жаренного в оливковом масле, – это когда Саша был в индийском ресторане. В последнее время Саша полюбил восточную кухню...

Иногда Саша пах нафталином – это значило, что он был в гостях у матери, Елены Игоревны. Если был у Любы – от него несло пригоревшей кашей и мазью Клавдии Игоревны, замешенной на скипидаре.

Но сегодня от Сашиной одежды пахло только офисом. Офисом и машиной.

Не то чтобы Лара пыталась поймать посторонние, непривычные ароматы с целью уличить Сашу – нет. Просто она обожала своего мужа – всего, целиком. Точно животное, Лара могла найти его по запаху, угадать, где тот был сегодня.

Лара любила только запах Саши. К другим мужчинам она старалась не принюхиваться. Зачем? Они все чужие.

Уткнувшись лицом в рубашку мужа, Лара улыбалась

счастливо. «Милый. Родной. Хороший мой!»

Лара отложила рубашку и подошла к шкафу. Там висели Сашины костюмы. Интересно, какой он надевал сегодня? А, наверное, этот – самый ближний. Лара провела рукой по теплой, гладкой, жесткой поверхности ткани.

Пиджак качнулся на вешалке, одна пола провисла. В кармане что-то было. Лара скользнула рукой в карман и достала оттуда сотовый телефон мужа.

Лара была убеждена, что никакого криминала в телефоне не обнаружит. Она лишь хотела разрушить Светкины домыслы – у моего мужа нет женщин, он верен мне. Ну, даже если в записной книжке и будут телефоны женщин, и эсэм-эски от них – то это чисто деловое или дружеское...

Лара нажала на кнопку, вспыхнул экран. Меню. Сообщения. Входящие. Она махом перелистнула несколько страниц, принялась читать подряд все входящие начиная с утра этого дня.

«Нашла!» Абонент – Севрюкова.

«Спасибо, тебя тоже!» – какой-то Опанаскин.

«Не могу найти отчеты за март!» – Севрюкова.

«В мае в нашем фитнес-центре скидки...», «Распродажа дисков и шин...», «Уважаемый Ярцев А.В., сообщаем Вам, что гарантийный ремонт завершен...»

«Саша, напоминаю – в понедельник собрание акционеров. Будь обязательно!» – некто по имени Русик.

Это все были сообщения за сегодняшний день. Абсолют-

но невиннейшие послания! А Севрюкова – огромная пожилая тетка с усами, Лара ее видела... Секретарша Саши. Незаменимый работник, гений секретарского дела – ни одна профурсетка с длинными ногами не могла ее заменить!

Лара хотела было уже выйти из меню, но увидела последнее сообщение – совсем недавнее, и часа не прошло, как Саша получил его.

«Очень жаль. Ничего, встретимся в другой раз. Целую». Абонент – Оленька. Так и написано – «Оленька».

У Лары затряслись руки. Эта эсэмэска ей очень не понравилась. Женщина принялась лихорадочно нажимать на кнопки.

Входящие и исходящие. Да, так правильно – если сопоставить время, в которое шли эсэмэски...

Диалог между Сашей и загадочной Оленькой, после реконструкции, был такой:

«Оленька, детка, прости. Сегодня заехать не смогу», – это Саша.

Она: «Я соскучилась! Когда?»

Он: «Потом созвонимся. Целую».

Она: «Очень жаль. Ничего, встретимся в другой раз. Целую».

Да, именно таким был недавний диалог между Сашей и этой Оленькой...

Лара почувствовала, как у нее немеют, слабеют ноги. Она опустилась в кресло. Хотела снова взглянуть на экран теле-

фона – и не могла. Ни одной мысли в голове...

И в этот момент в комнату вошел Саша, в банном халате, с мокрой головой. Он увидел жену, глаза его расширились.

– Лара? У-ух ты...

В первую очередь муж, конечно, заметил только ее наряд. Кружева, сеточки, бантики, тесемочки, стразики, полупрозрачный пеньюар... И только потом Саша перевел взгляд на телефон в ее руке.

– Звонил, что ли? – Саша выхватил телефон из ее рук, взглянул на экран – там как раз было это самое сообщение от Оленьки. – «Очень жаль. Ничего, встретимся в другой раз. Целую».

– Кто она? – хриплым голосом спросила Лара и закашлялась.

– Девушка, – сразу же ответил Саша. О, эта его удивительная честность, прямолинейность! Убийственная честность...

– Ты ее любишь?

– Не знаю. Может быть.

– Ты с ней спишь?

Ответ тоже последовал незамедлительно:

– Да.

Долгая пауза. Саша молчал, внимательно и совершенно спокойно глядя на жену, Лара же... У нее было ощущение, что рухнул потолок и раздавил ее, Лару, всмятку. Теперь она лежит между бетонными плитами, пронзенная стрелами ар-

матуры, с хрупнувшим, сплюсненным черепом, вдавленными в ребра легкими.

– Нет, – хриплым голосом сказала Лара. – Нет...

Она встала, сорвала с себя пеньюар, одним движением разодрала нежную, тонкую ткань в клочья. Протянула руку, схватила с Сашиного стола ножницы и принялась прямо на себе кромсать чулки, белье...

Скинула босоножки с ног, стиснув зубы, с невероятным усилием оторвала у каждой босоножки каблук...

Саша молча смотрел на все ее действия.

Лара голой, босиком побежала к себе. Заперлась в комнате, забила под одеяло. Ей было нестерпимо холодно.

– Лара. Лара, открой. Раз ты все знаешь, давай поговорим.

Лара не хотела отвечать мужу. Впрочем, и говорить она сейчас тоже не могла – ее трясло, зуб на зуб не попадал.

– Лара! А чего ты удивляешься, я не понимаю? – с досадой, тоской, раздражением произнес за дверью Саша. – Разве не этого ты добивалась?

Лару трясло от холода так, что кровать ходила ходуном. Еще никогда в жизни ее так не знобило... Хотя нет. Было нечто подобное, много лет назад – когда погибла мама. Вот такой же страшный холод испытывала тогда Лара, еще школьница.

– Ты не хочешь меня видеть? Ладно. Я уйду. Но только завтра утром.

– К ней? – неожиданно вырвалось у Лары. Она не узнала

свой голос – он напоминал карканье вороны.

– На работу я уйду. У меня работы – выше крыши...

– А сегодня... сегодня ты был у... у нее?

– Нет. Ты же сама все сообщения в телефоне прочитала.

Сегодня я на совещании сидел. Мы собираемся делать реорганизацию, нанимать новых сотрудников... Все очень серьезно. К Оле я так и не успел. Собирался, но не успел.

Какая похвальная честность!

– Ты вчера был у нее?

Пауза.

– Я давно у нее не был, – мрачно ответил Саша. – Мне некогда! Мы с ней в последнее время только перезванивались, переписывались... ты ж сама в мой телефон лазила, видела все!

– Ты скучаешь по ней?

– Да. Очень.

– А зачем ты во все это свою мать впутываешь?

– Мама тут ни при чем. – Пауза. – Слава богу, ты теперь все знаешь... Ненавижу вранье. Не умею лгать.

– А встречаетесь вы с ней... с Олькой... давно?

Пауза. Видимо, Саша засомневался, стоит ли посвящать Лару во все?.. Но ответил:

– С осени. С конца осени.

«Какая поразительная точность...» – подумала Лара.

– Кто она?

Пауза.

– Это тебя не касается.

– Почему? Очень даже касается!

– Это уже лишняя информация. Она хороший человек – этого тебе достаточно знать.

– Она моложе меня?

Саша опять долго не отвечал. Лара даже решила, что он уже ушел к себе в комнату. Но из-за двери раздалось:

– Да. Ей двадцать два года. Все. Больше ничего не скажу – хоть пытай меня. Я пошел спать.

Он ушел. Лара осталась лежать на кровати, под одеялом. С новой силой ее принялся колотить озноб.

Новость о том, что муж встречается с другой женщиной, ошеломила Лару. В это, казалось, невозможно поверить. Ничего же не было – никаких сигналов, звоночков, намеков... Ни запаха чужих духов, ни следов губной помады на его воротничке, ни волос на спинке сиденья авто... И вообще. Они же продолжали спать друг с другом, в одной постели – как муж и жена! Правда, последние недели две-три они были в ссоре, да. Но Саша сказал, что с той женщиной он познакомился осенью!

Несколько месяцев ее муж любил другую, а она, Лара, находилась в полном неведении... А если бы не полезла сегодня в телефон? Как скоро раскрылся бы этот обман?

«А может, и не раскрылся бы, – прошептал голос внутри Лары. – Может, Саша скоро расстался бы с этой... Оленькой. И я бы ничего не узнала. Но я полезла в телефон, я увидела

все эти эсэмэски, я спросила его... А он же, Саша, врать не может! Раз я спросила – он и ответил!.. И теперь будет думать – с кем ему остаться! Своим любопытством я подталкиваю его к решительным действиям!»

Сама же, сама говорила Свете, буквально за несколько часов до этого события – кто ищет, тот всегда найдет. И нашла. Сразу же – нашла!

Под утро Лара, дрожа, вылезла из-под одеяла, переоделась в теплую пижаму, натянула на ноги шерстяные носки. Потом щелкнула замком и на цыпочках, шатаясь, вышла в коридор. В квартире стояла сонная, сумеречная, загустевшая тишина.

Лара включила свет на кухне, достала бутылку водки.

Налила прямо в стакан, опрокинула в рот...

– А-а... А-а... – Лара затрясла головой, ощущая, как водка жжет горло, пищевод, серной кислотой растекается по желудку. Но зато сразу стало теплее.

Лара блаженно расслабилась. А через некоторое время слезы сами потекли у нее из глаз. Она плакала уже второй день подряд. Вчера – из-за нерожденного ребенка, сегодня – из-за измены мужа.

Если бы их мальчик родился бы, Саша стал бы изменять? Неизвестно. Нет, не стал бы. Ну, во всяком случае, ничего серьезного не предпринял бы! Все-таки он порядочный человек.

Но ребенка нет, держаться Саше не за что...

Или все-таки ребенок ни на что не влиял?

– Нет, нет, нет, дело совсем не в том... – пробормотала Лара, закрыв лицо ладонями. – Он говорил, что меня бросит? Нет. Он говорил, что больше не любит меня? Тоже нет! И с чего я взяла, что должен был родиться мальчик?..

Лара напряженно думала, обыгрывала все возможные варианты событий. Потом в ней вдруг зародилась безумная надежда, что Саша пошутил и никакой Оленьки нет... И что все это – сон!

Она спит, дожидаясь Сашу в своей постели, а эти эсэм-эски, разговор с мужем через закрытую дверь – морок и навяждение. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Надо проснуться, чтобы поскорее закончился этот кошмар.

Лара ущипнула себя, тихонько вскрикнула. Это не сон...

Но она по-прежнему никак не могла поверить в то, что Саша, который принадлежал только ей, Ларе, вдруг обратил внимание на другую. «А что тут удивительного? Он всегда смотрел на других! Как одеты, какие ноги, какая грудь... Даже со мной обсуждал, обращал мое внимание... Саша – типичный мужчина, с чего это я взяла, что он – верный?»

Потом Лара принялась вспоминать, как они жили весной, зимой, осенью... Когда у Саши была эта... Оленька. Нормально же жили, как всегда!

«Хотя нет, нет... Как в тумане все. Мы почти не говорили. Он отсутствовал целыми днями, я сидела дома и смотрела ток-шоу... Молчаливый секс без поцелуев... Меня все

устраивало! Я злилась только тогда, когда он начинал свои вечные придирки...»

Лара выпила еще стакан водки – как угля в топку подбросила. От алкоголя она становилась сосредоточенной, собранной, мозг работал с бешеной скоростью. Она должна сейчас придумать нечто важное. Глобальное. Что исправит ситуацию в их семье, что повернет время вспять. И тогда они с Сашей снова станут друг для друга единственными и любимыми.

Любимыми.

Кажется, вот в этом слове загадка, загвоздка... Именно в нем, в этом слове – любовь – и есть ответ на все вопросы. Абсолютная истина.

– М-м-м... – от выпитого, от бессонной ночи, от переживаний Лару повело в сторону, она едва успела схватиться за край стола. Именно в этот момент Лару озарила страшная разгадка. – Я знаю... Я знаю. Ничего нельзя исправить. Он меня больше не любит!

* * *

Лара очнулась не сразу. Обнаружила, что лежит в собственной постели, укрытая одеялом. Как она тут оказалась? Наверное, утром на кухню пришел Саша, отнес ее сюда. И ушел.

Страшно, дико болела голова.

Лара очень долго валялась в таком положении, не в силах пошевелиться – малейшее движение отзывалось мучительной вспышкой боли в мозгу. «Надо встать. Надо выпить таблетку!»

Наконец Лара выползла из-под одеяла. Спотыкаясь и держась за стены, добрела до аптечки. Пузырьки с лекарствами прыгали у нее в руках, буквы расплывались перед глазами. Напиться лекарств и умереть? Гениально!

Лара трясущимися руками перебрала все содержимое аптечки, но ни одного сильнодействующего лекарства не обнаружила. Да и откуда им тут быть – они с Сашей и не болели почти. Не аспирином же и не лекарством от диареи травиться!

Лара выпила обезболивающее и направилась в гостиную. В этот момент зазвонил городской телефон.

– Алло...

– Лариса Сергеевна! – взволнованный, резкий голос лаборантки Людочки ударил по мозгам. – Мы целое утро вам пытаемся дозвониться... Но ни городской, ни сотовый не отвечает! Что случилось? Почему вы сегодня не вышли на работу?

– Не кричи... Чего ты орешь? – держа трубку на некотором расстоянии от уха, с ненавистью произнесла Лара. Она вдруг вспомнила, что Людочке двадцать с небольшим. Что Людочка кокетничала со всеми подряд сотрудниками мужского пола... – Сучка ты драная... Чтоб тебя!

Пауза.

Потом Людочка закричала куда-то в сторону, со слезами в голосе:

– Маргарита Юрьевна! Ярцева меня сучкой драной обозвала!..

– Что-о? – услышала Лара голос своей начальницы. – Не может быть!

– Да, да! Она пьяная! – Голос Людочки превратился в визг. Лара поморщилась.

– Лариса Сергеевна! – Теперь уже голос начальницы бился уже в самое ухо – она перехватила трубку у лаборантки. – Это как понимать?

– Никак, – мстительно произнесла Лара. Она была сейчас в таком состоянии, что ненавидела весь белый свет.

– Вы пьяны? Вы пьяны! Боже мой... Вы не вышли на работу! Что случилось?

На ликеро-водочном заводе царила железная дисциплина. Пьющих там не держали. Да это и глупо было бы – пускать козла в огород...

– Да провались эта работа... И все вы... в ад! Вверх тор-машками! – закричала Лара.

– Куда? Куда вы меня послали? В зад?! О-о... Все, Ярцева, я вас увольняю! Прямо сейчас! По статье! За прогул!

Она бросила трубку на базу.

Ну, уволили... Подумаешь.

Лара упала на диван и включила телевизор. Посмотре-

ла, не понимая ни слова, подряд несколько серий какого-то фильма, потом ток-шоу, потом какую-то экономическую передачу, новости, еще какой-то фильм...

«Это правда? У моего мужа есть другая? Не может быть! У моего мужа есть девушка. Это правда? Не может быть!» – Лара пыталась осознать произошедшее, она исступленно му-солила одну и ту же мысль. Никак не могла привыкнуть к тому, что ее Саша полюбил другую.

Ближе к вечеру Лара перебралась на кухню и выпила бутылку коньяка. От алкоголя образовалась приятная легкость в голове, и Лара заснула наконец.

Проснулась часа в четыре ночи – опять болела голова, и сердце билось в груди, точно сумасшедшее.

«Тахикардия. Может, я умру? Хорошо бы... Тогда Саша поймет, что он сделал...»

Лара вскочила и с размаху, сознательно, бросилась всем телом о дверь. Потом несколько раз ударилась о нее головой.

– А-а! – закричала она от боли.

В ответ – тишина.

Лара, точно ураган, обежала всю квартиру – никого. «Саша у нее! У этой твари! И они сейчас, может быть...» – Лара не стала додумывать эту мысль и снова принялась биться головой о стену.

Лара упала на пол, почти ничего не видя – перед глазами плавали какие-то ослепительно-белые пятна. Вцепилась зубами себе в руку, зарычала.

Потом долго лежала на спине, на полу, глядя в потолок.

Поползла к кухне. Там, с трудом поднявшись на ноги, достала бутылку виски. Если нет лекарств, можно отравиться алкоголем...

Начала пить прямо из горлышка, но сделала не больше одного глотка – Лару начало тошнить.

Когда приступ дурноты немного утих, Лара попыталась сообразить – какой сегодня день. «Интересно, а сколько я уже не ела? Не помню...»

Лара прилегла на кухонный диван, в изнеможении закрыла глаза. Спала она или нет – Лара так и не поняла. Это было какое-то тягучее, странное, мучительное состояние, полубытье... Но и там, в этом забытьи, она продолжала думать о том, что Саша изменил ей. Что Саша любит другую.

Телефонный звонок. Городской.

Лара открыла глаза, не понимая, где она, что сегодня за день. От слабости кружилась голова, все тело болело.

– Алло...

– Лара? – В трубке прошелестел нежный, глубокий, очень приятный голос. Женский.

– Да... – хрипло ответила Лара и с трудом сглотнула.

– Не хотите поговорить? – спросил голос.

«Это она! Я так и думала!» – моментально догадалась Лара и исполнилась дикой, неукротимой ненависти. Вот кто на самом деле тварь, вот кто сука драная! Облизнув пересохшие, шершавые губы, Лара осторожно ответила:

– Хочу.

– Может быть, встретимся?

– Да. Да! – хищно зарычала Лара. Она внезапно поняла, что именно этого хочет сейчас больше всего – посмотреть на нее, свою соперницу. А потом вцепиться ей в глаза...

– Только обещайте, Лара, – без глупостей, – печально, строго произнес голос. – В любых ситуациях надо оставаться людьми.

«Только бы не спугнуть эту тварь! Я могу все напортить!»

– Обещаю. Вы-то тут при чем... – надменно произнесла Лара. – Я на мужа своего в обиде, а вы... на вашем месте могла быть любая другая женщина.

– Да? Вы уверены? Впрочем, не будем... Давайте без колкостей тоже.

– Где мы встретимся?

– Наверное, где-нибудь в центре. Неподалеку от Кузнецкого Моста есть ресторанчик индийской кухни. Вернее, кафе. А на втором этаже – сувенирная лавка. Найти очень легко. Как? Я буду сидеть в кафе, за одним из столиков, – спокойно, вежливо произнесла соперница. – Часа через три, хорошо?

– Хорошо. Минутку! Э, как вас...

– Оля.

– Оля, да. Вы будете одна? Или с Сашей? – раздувая ноздри, спросила Лара.

– Одна. Саша даже не знает, что я договорилась встретить-

ся с вами. Он вообще против, чтобы мы с вами встречались.

– Он у вас сейчас?

– Нет. Мы давно с ним не встречались, перезванивались только. Вот и сегодня утром он позвонил и сказал, что вы все знаете... – вздохнула Оля. – Ну, а раз так, то нам надо встретиться. До вечера, договорились?

– Договорились, – сказала Лара и нажала кнопку отбоя.

Еще пять минут назад она умирала, а теперь Лару обуяла жажда деятельности. Встреча с соперницей... О, от этой встречи отказаться невозможно!

Лара поднялась с кухонного дивана и побрела в сторону ванной. Все тело болело, в голове стучали молоточки, в желудке плескалась кислота, рот пересох... «Как же я пойду? – ужаснулась Лара. – Как из дома смогу выйти? Но я должна!»

Она включила свет в ванной и ахнула.

Лара сама себя не узнала.

На нее смотрела утопленница. Труп. Сине-зелено-серое лицо, черные круги под глазами. Бескровные губы. Желтые белки у глаз, веки воспаленно-красные. Волосы – спутанная мочалка. Лара прикоснулась к голове и поморщилась – там, под волосами, пульсировали шишки.

Она подняла руку, закатала рукав – на предплечье вспух аккуратный овальный рубец. Это она сама себя укусила...

«Все равно надо идти! – сказала самой себе Лара. – Я хочу ее увидеть... Оленьку!»

Лара налила ванну с морской солью... Сидела в ней два-

дцать минут. Потом вылезла, морщась и постанывая, высушила, вытянула феном волосы. Сварила кофе. Заставила себя съесть один крекер – больше, увы, не смогла...

Принялась гримировать лицо. Тональный крем, консилером – под глазами, замазывая черноту...

Через некоторое время на Лару смотрела уже не утопленница, не труп, а просто немолодая, терзаемая какой-то тяжелой болезнью женщина. Уже неплохо!

За сорок минут до встречи Лара вышла из дома.

Опять был ранний вечер, опять такой же теплый, с разлитым в воздухе обещанием счастья... Пришлось ехать на метро – вся Москва стояла в вечерних пробках.

Пока Лара тряслась в вагоне, несколько раз чуть не упала – так у нее кружилась голова, звенело в висках. Но она доехала до нужной станции и вышла в город уже почти уверенно. Встреча с соперницей бодрила Лару, вбрасывала в кровь адреналин.

Вот и кафе... Кажется, то самое, с сувенирной лавкой на втором этаже.

Лара остановилась у ступеней, перевела дыхание. Она еще ни перед одним свиданием не волновалась так...

Толкнула рукой стеклянную дверь и вошла внутрь. Несколько столиков были заняты – в основном пары, за одним большая семья – мама, папа, дети... А за крайним столиком, в углу, сидела молодая длинноволосая девушка.

Девушка вскинула на Лару внимательные светло-серые

глаза и замерла. Она...

Лара направилась к столику в углу.

Пока шла, тоже с мучительным вниманием, напряженно, пристрастно разглядывала девуцу. И чем дольше Лара глядела на Оленьку, тем хуже ей становилось...

Только теперь, видя свою соперницу, Лара поняла, почему Саша предпочел ей Оленьку.

– Вы? – не слыша собственного голоса, пробормотала Лара, подойдя к столику.

– Лариса? Я Оля. Прошу, садитесь, – девица плавным движением руки указала на соседний стул. – Или вы будете что-нибудь заказывать?

– Пожалуй, закажу... – Лара подошла к раздаче (в кафе было самообслуживание). Взяла себе какой-то зеленый компот и пророщенные зерна чего-то там в томатном соусе.

Как Лара вернулась к столику, не уронив по дороге поднос с посудой – отдельная история...

– Что это за кафе такое странное? Ни мяса, ни рыбы... Одни стручки какие-то с ботвой! – пробормотала Лара.

– Это вегетарианское кафе.

– А-а...

Лара осторожно пригубила компот, и ее чуть не стошнило. У компота был какой-то странный вкус – не сладкий, а травянисто-горький, ядреный. Вкус сельдерея. Лара решительно не помнила, что именно она брала – схватила первые попавшиеся блюда...

– Вот вы какая, – тихо произнесла Оля. Вернее – Оленька.

Нежное, юное создание. Ангел...

– Какая? – хрипло спросила Лара.

– Таинственная.

– Да и вы тоже... загадка! – пробормотала Лара.

Интерес соперницы к ней был не удивителен. Женщины не могут не сравнивать себя между собой. Вечный вопрос: кто лучше – я или она?...

Лара тоже глядела на Оленьку, и чем дольше глядела, тем хуже ей становилось.

Еще в самые первые мгновения этой встречи Лара поняла, что соперница ее – молоденькая и хорошенькая.

А дальнейшее наблюдение только подтвердило и усилило это впечатление.

Правда, фигуру и рост Оленьки Лара не могла разглядеть как следует, во всех подробностях – во-первых, Оленька сидела, а во-вторых, девушка была укутана в широкую шаль, пашмину, что ли... Но и того, что видно, оказалось достаточно.

Тонкие руки, тонкая длинная шея, пальцы – словно у скрипачки, изящные, необыкновенно красивые. Узкие, прямые плечи. Оленька хоть и сидела, но все равно совершала какие-то телодвижения – то наклонялась то в одну сторону, то другую, то тянулась за чашкой – и каждый ее жест был воплощением гармонии, грации.

– Вы не балерина ли? – вырвалось у Лары.

– Что? А, нет... Но я танцевала в детстве, представьте себе! – польщенно улыбнулась Оленька.

У Оленьки, как уже упоминалось, волосы были светлыми, длинными. И глаза тоже светлые, светло-серые. Маленький прямой нос. Розовые губы. Лицо, его нижняя часть – не овал, а квадрат скорее, – но эта нижняя, широкая часть делала сразу внешность Оленьки небанальной, не конфетно-сиропной – как, например, лицо девушки с конфетной обложки...

Хотя, в общем, обычное лицо. Но это тихая, спокойная прелесть, необыкновенное достоинство, способность не смущаться, не тушеваться и всегда быть естественной и невозмутимой...

Кстати, Оленька совершенно не пользовалась косметикой, и это была «фишка» девушки, судя по всему. С таким ровным, матовым тоном кожи, такими свежими губами (ни тонального крема, ни прозрачного блеска – ни-че-го!) – макияж и не нужен был ей вовсе, хотя во всех телепередачах о красоте ведущие и кричали о том, что девушка в любом случае должна хоть ресницы себе с помощью туши приподнять, хоть еще что...

И еще этот безмятежный, прямой, внимательный взгляд...

Оленька была восхитительна. Одна одним своим видом дала понять Ларе, почему Саша выбрал именно ее.

«Но она-то, Оленька... Она что, не знала, что Саша уже женат? – подумала Лара, сжимая в руках вилку и безрезультатно...

татно тыкая в стручки на тарелке. – Это ведь нехорошо, даже отвратительно – связываться с человеком, который несвободен, у которого есть семья!»

– Вы знали, что Александр женат? – озвучила свою мысль Лара.

– Да, – сразу же отозвалась Оленька. И в этом ее спокойствии, честности Лара вдруг узнала своего мужа. Да, они чем-то неуловимо похожи – Саша и эта Оленька. И это тоже так ужасно... От этого только больней ощущаешь свое несовершенство!

– И вам не стыдно? – сдавленно произнесла Лара.

Оленька ответила не сразу. Она перед тем долго, внимательно и даже с какой-то жадностью смотрела в глаза Ларе. Пожалуй, с азартом и торжеством смотрела!

Это уж совсем невыносимо было...

– Нет, мне не стыдно, – призналась Оленька.

Лара еще сильнее сжала вилку в руке и вдруг представила, что будет, если она сейчас эту самую вилку воткнет Оленьке в лицо.

Визг, крик, кровь... И тогда сотрется с безупречного свеженького личика вся эта безмятежная наглость...

Лара вдруг почувствовала, что улыбается. «Да, да, я ее изувечу сейчас... Гадина! Какая же она гадина!»

– Почему? – спросила Лара, сознательно решив оттянуть свою месть. Можно же поиграть с этой Оленькой – точно кошка с мышкой... Потом-то уж с этой дрянью не погово-

ришь!

– Потому что я люблю его. Не знаю, любит ли Саша меня, но я – люблю его. Он настолько необыкновенный, светлый человек, что... других таких мужчин больше на свете нет, понимаете? – звонко произнесла Оленька.

«Понимаю. Саша – лучше всех в мире. Понимаю...»

– Вы, наверное, бог знает что обо мне думаете... – энергично продолжила Оленька. – Что я такая-сякая, разлучница, негодяйка. Но его же нельзя не любить! – вдруг убежденно, страстно воскликнула девушка.

– И что теперь? Вы поженитесь? – облизнув губы, все тем же сдавленным, невыразительным голосом произнесла Лара. Она прикидывала в этот момент, куда лучше ударить вилкой – в глаз или щеку? Лучше, конечно, нанести Оленьке сразу несколько ударов – быстро, стремительно, дабы урон был непоправим. Посадят Лару за это? Да не жалко, пускай сажают... Подумаешь. У нее ведь и так ничего нет – ни мужа, ни ребенка, ни работы.

– Господи, да откуда ж я знаю? – удивленно, даже весело воскликнула Оленька. – Он мне предложения не делал! И вообще, вы, Лара, как-то неправильно, извращенно все представляете...

– А как надо? – спросила Лара, не слыша собственного голоса. «Сейчас. Нет, через минуту... Пусть говорит пока!»

– Мы с Сашей с самого начала были как друзья! Это было удивительно. Судьба, – впервые за время встречи Оленька

опустила глаза. – Мы с ним говорили много, в кафе сидели... смеялись как сумасшедшие. Мы были с ним как дети. Веселые, раскрепощенные, счастливые. У Саши времени только мало – мы редко встречались. Я уже говорила – в основном перезванивались... В последний раз вот месяц назад тоже в кафе сидели. Он ко мне столько раз собирался приехать, но эта его работа... Так ничего и не получалось. Мне от него ничего не надо. Чего-то требовать, просить – не буду, – улыбаясь, но вместе с тем очень серьезно, даже жестко произнесла Оленька. – Разведетесь вы с ним или не разведетесь... Женитесь вы с ним или нет... Неважно. Я в любом случае желаю ему счастья. Я не хочу стать ему обузой.

– В каком смысле? – Лара напрягла мышцы в руке, собираясь замахнуть вилкой.

– Вот в таком... – Оленька плавно взмахнула руками, и полы пашмины разъехались в разные стороны.

В первый момент Лара ничего не поняла. А потом – увидела.

Животик. Маленький, аккуратный животик. На Оленьке были длинная мягкая юбка и трикотажный свитер. Свитер этот вполне отчетливо обжимал живот Оленьки.

Лара выронила вилку, прижала ладони к губам.

Она за минуту до того собиралась ударить Оленьку в лицо этой вилкой, а вместо того Оленька сама нанесла ей упреждающий удар – прямо в сердце.

Лара была сражена. Раздавлена и выпотрошена.

И, разумеется, она не могла уже мстить беременной женщине. Ребенок-то не виноват ни в чем. Теперь Лара и пальцем не смогла бы прикоснуться к Оленьке.

– Саша... знает? – прошептала Лара.

– Нет пока еще. Вот, сейчас скажу, в ближайшее время, – со счастливой улыбкой оглядывая свой аккуратный животик, призналась Оленька. – Я очень рада, что вы, Лариса, оказались нормальной женщиной. Мы можем стать друзьями. Все мы.

– Вы... высокие отношения, – выдавила из себя Лара.

– Как знаете. Я вас хотела предупредить – не переживайте. Я не собираюсь отнимать у вас квартиру, делить там что-то... Даже если Саша не уйдет от вас, я не стану скандалить и тому подобное... Я просто очень его люблю, и все тут. Очень его люблю... – повторила Оленька тихо и отвернулась.

Ребенок. Ребенок Саши. Но не от нее, не от Лары...

«Как же поздно я спохватилась!» – в отчаянии подумала Лара.

– Скоро?

– Что? А, это... В середине августа, скорее всего. Сейчас у меня четыре месяца с небольшим.

– Уже шевелится?

– Вроде да! – радостно, мгновенно засияв глазами, призналась Оленька.

– А кто – мальчик, девочка?

– Не знаю. Конечно, можно сделать УЗИ и определить

пол, но, я слышала, это вредно для ребенка. Я врачам не верю, если честно... Ну их, – покачала головой Оленька, недобро нахмурившись. – Столько печальных примеров знаю! Лучше уж без врачей, без таблеток, без химии всей этой...

– Четыре месяца. С ума сойти.

– Ага. Аборт уже не сделаешь. Да я не собиралась делать, – Оленька ласково погладила свой живот. – Зая мой, ну как же мама от тебя отказаться сможет? Никогда и ни за что!

У Лары сдавило в горле. Говорить, дышать было трудно... Но она все-таки нашла в себе силы произнести:

– Саша не откажется от ребенка. Это я отказываюсь от Саши. Я... уступаю его вам, Оленька.

– Вы благородная женщина, Лара. Я рада тому, что мы встретились, поговорили, – с важностью, немного по-детски, произнесла та.

– Спасибо.

– За что? Смешная вы... – пожала плечами Оленька. –

Тогда и вам спасибо.

– До свидания.

– До свидания!

Лара выскочила на улицу, стремительно понеслась куда-то – лишь бы подальше от этого кафе, от Оленьки... Слава богу, что она, Лара, не натворила ничего непоправимого, ужасного.

Ведь такое наваждение накатило – убить живого человека

была готова! Беременную женщину чуть вилкой не истыкала!

Лара притормозила только на Охотном Ряду, напротив Кремля, и в изнеможении плюхнулась на одну из лавочек.

На Лару вдруг опять напал озноб, хотя апрельский вечер дышал теплом, ветра почти не было. «Четыре месяца... А я и не догадывалась ни о чем! Хотя Оля и сказала, что они с Сашей редко встречались, да и Саша мне про то же самое утверждал... Но все равно – почему я ничего не почувствовала, не поняла? Не увидела, не услышала? Хотя теперь понятно – Оля не пользуется духами, косметикой... Химию не признает, врачам не доверяет. В высшей степени экологическая девица! Следов не оставляет. А если еще учесть, что в вегетарианских кафе любит сидеть... Точно! – озарило Лару. – От Саши всю зиму несло этим дурацким карри... Они в индийских кафе сидели!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.